

Владимир Владмели

НЕВЕРНОПОДДАННЫЙ

В СТАРОМ СВЕТЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Владмели Неверноподданный в Старом Свете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69388321

SelfPub; 2023

Аннотация

Студенческая жизнь друзей проходит бурно и весело: Саша собирает автомобиль, у Бори возникает роман с преподавательницей, а Володя играет в студенческом театре. Затем пути друзей расходятся, они встречаются всё реже, и Саша узнаёт о предстоящей эмиграции Бориса, когда у того ломается машина, и её надо срочно ремонтировать. Он бросает всё и помогает Боре, а тот думает, что это самый ценный подарок друга, но когда пересекает границу, находит и другой...

Владимир Владмели Неверноподданный в Старом Свете

Есть в каждой нравственной системе

Идея, общая для всех:

Нельзя и с теми быть, и с теми,

Не предавая тех и тех.

Губерман

В мастерской художника

Раздался звонок, и в класс вошёл учитель истории. Он выглядел не намного старше своих учеников, и, если бы не журнал в руках, его вполне можно было принять за старшеклассника. Поздоровавшись, он остановил взгляд на Боре и спросил:

– Ты новенький?

– Да, – ответил Коган, вставая.

– Как тебя зовут?

– Боря.

– А меня Василий Николаевич Горюнов. Откуда ты приехал?

– Из Риги.

– Из такой глуши и сразу в Москву?!

– Рига – не глушь, – возразил Боря.

– Конечно, нет, но всё-таки Москва – столица. Говорят, об этом известно не только во всём мире, но даже у вас в Латвии.

– Врут, – резко сказал Боря, – мы там, у себя, круглей ведра ничего не видели, а щи до сих пор лаптем хлебаем.

– Не обижайся, – улыбнулся Горюнов, – ведь по сравнению с нами вы всё-таки провинция. Здесь в прежние времена даже царь жил.

– Так точно, Вася Величество, – сказал Боря, вытянувшись по стойке «смирно».

Класс захохотал, а Горюнов, подождав, пока все успокоятся, сказал:

– Ты, оказывается, шутник.

– Я не шутник, я только учусь.

– Имей в виду, что я твой классный руководитель, и ты должен со мной дружить.

– Я стараюсь, – ответил Боря, который уже израсходовал весь запас дерзости.

Горюнов открыл журнал, отметил отсутствующих и вызвал одного из учеников к доске. Мальчик немного заикался, и, пока он отвечал, Боря, чтобы успокоиться, нарисовал на промокашке скучающую рожицу с широко открытым ртом. Горюнов увидел это и сказал:

– Сегодня после уроков у меня будет кружок рисования,

приходи.

– Да я не умею, это так...

– Всё равно приходи, будешь позировать. Мои ребята ещё никогда не видели шутников из Риги.

– Не могу, я должен быть дома.

– Ну, что ж, не можешь, так не можешь, – Василий Николаевич поставил отметку, посмотрел на часы и начал рассказывать о правлении Павла I, о заговоре против него и об его убийстве. Делал он это так, как будто сам был свидетелем событий, и до звонка все ученики слушали его с неослабевающим интересом. Только Боря думал о том, что в первый же день нажил себе врага.

После урока он подошёл к Горюнову и извинился, а тот выслушал его и сказал:

– Ладно, но в качестве наказания к следующему уроку ты должен будешь подготовить доклад минут на десять о роли Александра I в убийстве отца.

– А где я возьму литературу?

– В библиотеке, там всё есть.

На следующий урок Василий Николаевич не пришёл, а завуч сказал, что у него воспаление лёгких. Не было Горюнова в школе ещё целую неделю, и Боря предложил нескольким одноклассникам навестить его, но все они нашли какие-то отговорки. Тогда он купил яблок и пошёл один.

Классный руководитель был бледен и непричёсан, а его слезящиеся глаза смотрели на Боря с нездоровым блеском.

– А, шутник из Риги, – сказал он, открывая дверь, – заходи.

– Я вам гостинец принёс, Василий Николаевич, вот, – он протянул учителю пакет, – а кроме того, я думал, что у вас наверняка есть книги о Павле I.

– Если ты не боишься заразиться, то шлёпай в мою мастерскую, – Горюнов указал на дверь в большую комнату, – а я пока приведу себя в порядок.

– Василий Николаевич, я думал, вам нужно помочь, в магазин сходить или купить что-нибудь.

– Нет, не надо. Я живу с мамой, а она смотрит за мной как за младенцем. Да не стой ты как столб, проходи.

Комната была завалена картинами. Они лежали на полу и висели на стенах. Боря с любопытством переводил взгляд с одной на другую, а когда повернулся и увидел полотно, висевшее слева от двери, замер. На нём была изображена молодая красивая женщина, которая стояла на коленях, обхватив руку Иисуса Христа. По щекам её текли слёзы, она каялась в своих грехах и стремилась получить благословение Божье. Иисус готов был простить её, но прикосновение её чувственных губ и мысли о грехах, которые она совершала, преобразили его. Из отрешённо-бесстрастного вершителя судеб он превратился в похотливого самца с горящими от возбуждения глазами. Плоть его восстала, он с огромным трудом сдерживал вожделение и думал уже не об отпущении грехов, а о том, как овладеть этой прекрасной грешницей. Обе его ипо-

стаси были заключены в одном теле и неразделимы как сиамские близнецы.

Картина настолько поразила Бориса, что он не сразу перевёл взгляд на вошедшего в мастерскую учителя истории. Ему показалось, что глаза Горюнова блестели не только от болезни. Похоже, художник лечился от воспаления лёгких более сильным средством, чем чай с мёдом, и это лекарство сделало его значительно разговорчивее.

– Картина называется «Искушение Христа», – сказал Горюнов.

– Потрясающая вещь.

Василий Николаевич улыбнулся. Ему льстило восхищение Когана. Это было время «оттепели», когда писать на религиозные темы позволялось, но рассчитывать на выставку таких картин было ещё нельзя.

– Что вас натолкнуло на этот сюжет? – спросил Боря.

– Действительность.

– Какая действительность, в России уже давно церковью не осталось.

– Ошибаетесь, молодой человек, моя мама регулярно ходит в церковь.

– Да!? – удивился Коган. Так же, как большинство сверстников, он представлял себе верующих забитыми и невежественными людьми. Он даже не мог вообразить, что мать этого современного человека была религиозной.

– А вы?

– Что я?

– Вы верующий?

– Трудно сказать. Во всяком случае, я знаю Библию, и это помогает мне лучше понимать картины старых мастеров. Ведь большинство сюжетов они брали именно оттуда. Да и не только они, многие современные писатели лишь переиначивают библейские истории. Впрочем, ты меня не слушай. Считай, что я болен и не отвечаю за свои слова. Посмотри лучше мои работы.

Боря стал перебирать картины, аккуратно стоявшие около стены. Среди них были пейзажи, бытовые полотна, этюды к «Искушению Христа», а на одном из незаконченных холстов он вдруг увидел знакомое лицо.

– Откуда вы знаете эту женщину? – спросил он.

– Я её не знаю.

– А как же вы её рисовали?

– По памяти.

– Значит, вы её где-то видели!

– Она приезжала к нам на скорой, а я обратил на неё внимание потому, что именно такой представлял себе главную героиню рассказа Куприна «Жидовка». Но для того чтобы закончить портрет, мне нужно ещё раз её увидеть.

– Я могу вам это устроить.

– Как?

– Это моя мама.

– Ай-яй-яй, – воскликнул Горюнов, – как же я сразу не по-

нял!

– У неё скоро день рождения, и я хочу сделать ей подарок. Портрет был бы лучшим, что только можно придумать. Сколько он стоит?

– Во-первых, он не закончен, а, во-вторых, шедевры не продаются. Я могу тебе его подарить, но для этого тебе придётся пригласить меня к себе. Кстати, как классный руководитель, я всё равно должен встретиться с твоими родителями.

– Хорошо, я спрошу, когда они смогут. Они тоже хотели с вами познакомиться, я говорил им про вас.

– Ты же обо мне ничего не знаешь.

– Так расскажите, Василий Николаевич.

Две недели одиночества и сорокаградусное лекарство, принятое до прихода Бори, сделали учителя истории более словоохотливым, чем обычно, и он кивнул.

* * *

Когда немцы напали на Советский Союз, Вася гостил в небольшом украинском городке у бабушки. Во время одного из налётов фашистской авиации бабушку убило осколком бомбы, а он чудом остался жив. Соседи отдали его в детский дом. Мать Васи, Ирина, узнав о начале войны, тотчас же поехала за ним из Москвы, где она жила с мужем. Когда она добралась до детского дома, ей сказали, что Вася умер.

– Вы его похоронили? – спросила она.

– Нет.

– Где он?

– В морге.

– Я хочу его видеть.

Медсестра – усталая пожилая женщина – дала ей ключи от морга и свечку. Морг оказался обычным подвалом. Дверь туда была не заперта, и как только Ира её открыла, маленькие тени бросились от неаккуратно сложенных трупов, занимавших большую часть комнаты.

«Крысы», – подумала она, и ей стало жутко от того, что её плоть и кровь, её ребёнок мог быть съеден этими тварями.

Она нашла Васю, взяла его на руки и заплакала, крепко прижав к груди. Она не смогла сохранить ему жизнь и решила хотя бы похоронить его по-человечески.

Узнав, где находится кладбище, она понесла туда сына, но по дороге ею овладело какое-то странное чувство. Что-то было не так. Она не могла понять, что именно, и только крепче прижимала Васю к себе. Вдруг она остановилась. Тело её сына было тёплым. Она решила, что бредит, дошла до ближайшей скамейки, села и попробовала губами его лоб. В этот момент он открыл глаза. От страха и радости она чуть не потеряла сознание. Руки её задрожали, и она разрыдалась.

Воскрешение Васи перевернуло её сознание. Она решила, что Бог совершил чудо, потому что у её сына великое предназначение. Эта уверенность поддерживала её во время тяжёлого пути в Москву.

За время её отсутствия муж ушёл на фронт, а после окон-

чания войны вернулся со звездой Героя Советского Союза. Их соседи по коммунальной квартире погибли, и Горюновы заняли две соседние комнаты, став единственными владельцами очень большой квартиры. С этого момента Ирина уже не сомневалась, что находится под защитой Всевышнего. Она стала регулярно ходить в церковь и тайком от мужа крестила Васю.

В шесть лет Вася нашёл дома Библию с иллюстрациями Доре и начал их копировать. Ира показала рисунки сына своему духовному пастырю, отцу Никодиму, и тот посоветовал ей учить Васю рисованию. Она так и сделала, но вскоре её муж умер, и, хотя она получала пенсию как вдова Героя, на жизнь не хватало. Пытаясь хоть как-то помочь матери, Вася после седьмого класса поступил в художественное училище и стал получать стипендию.

Священник предложил ему написать картину из жития святых. Вася написал триптих, который привёл заказчика в восторг. Особенно понравилось ему, что мальчик продемонстрировал прекрасное знание Библии, и отец Никодим рекомендовал несовершеннолетнего богомаза своим коллегам.

За три года студент художественного училища расписал несколько десятков подмосковных церквей. Его картины гораздо больше были похожи на бытовые сцены из жизни селян. Единственным указанием на божественный характер героев служили чуть заметные нимбы над их головами.

Пропуски занятий вызвали недовольство руководства

училища, а когда выяснилась их причина, Васю исключили из комсомола, объявили строгий выговор и вызвали на педсовет. Там его стали отчитывать, а он, оправдываясь, привёл в пример художников Возрождения, писавших на религиозные темы.

Директор прервал его, заявив, что теперь другое время, оно ставит перед работниками культуры принципиально новые задачи. Современный художник должен создавать произведения, понятные народу и воспевающие свободный труд.

Спорить с директором было бесполезно. Он во всём придерживался официальной точки зрения и от своих учеников требовал того же. Однажды на его уроке они разбирали рисунки Пушкина, и Вася сказал, что Пушкин рисовал весьма посредственно, просто он набил себе руку и мог набросать вполне сносный портрет, но это не искусство.

Тогда это вызвало недовольство директора, теперь же пререкания с ним вообще могли закончиться отчислением из училища. Для Васиной матери это было бы тяжёлым ударом, и ради неё он решил покаяться.

Директор, закончив обвинительную речь, потребовал от Васи обещания больше не работать в церквях.

Вася пообещал.

А вечером ему позвонил Арутюнов. Про него ходили самые разные слухи. Студенты говорили, что у него было несколько жён и много детей, но теперь он жил один, а в

училище преподавал от скуки. На жизнь Арутюнов зарабатывал портретами вождей. Он пригласил Васю к себе, долго расспрашивал его, сочувственно кивал и говорил, что тоже вырос в бедной семье и вынужден был пробиваться сам. Ему очень хотелось стать хорошим художником, но скоро он понял, что материальное благосостояние невозможно сочетать с настоящим искусством. Он предпочёл деньги и стал писать портреты государственных деятелей. Иногда ему помогали студенты художественного училища. Для них это была возможность подработать и познакомиться с полезными людьми.

– Если ты хочешь, я возьму тебя в подмастерья, – сказал Арутюнов.

– Хочу, – ответил Вася.

Его новый работодатель в числе немногих избранных имел право не только на воспроизведение лиц, приближённых к особе императора, но даже и на изображение Самого. Пробиться к этой кормушке было гораздо сложнее, чем к богомазанию, потому что, в отличие от образа Создателя, который никому не был известен, портреты верных марксистов-ленинцев должны были быть одобрены специальной комиссией. Происходило это следующим образом. Сначала делали высококачественную фотографию члена Политбюро, затем её увеличивали и, используя как образец, создавали заготовку. Работа была очень ответственная, ибо, с одной стороны, надо было сохранить сходство с оригиналом, а с дру-

гой изобразить его так, чтобы его физиономия не выдавала откровенной глупости. После предварительного одобрения, художники доводили портрет и представляли его на рассмотрение специальной комиссии. Затем портрет утверждался, и его можно было продавать, а так как в любом учреждении Советского Союза должно было быть изображение хотя бы одного слуги народа, то художники, допущенные до бородки Ленина, бровей Брежнева или лысины Хрущёва, имели надёжный кусок хлеба. Конечно, многое зависело от коммивояжёра, но у Аругюнова он был выше всяких похвал. Он продавал вождей поштучно, получая за каждого цену, пропорциональную занимаемой должности. Недавно ему удалось сторговать оптом всех членов Политбюро. Закупило их главное управление бань, которым руководил сын одного из изображённых. Главный банщик страны был безнадёжным пьяницей. Папаша, желая пристроить отпрыска на хлебное место, создал для него Управление, отвоевал у Министерства культуры только что реставрированный дворец Юсупова, в котором хотели сделать музей, и выбрал сыну подходящего помощника. Заместитель ничего не стал менять во внутренней отделке Юсуповского дворца, выделив своему боссу барскую спальню, где тот и почивал в княжеской кровати после очередного запоя. Остальные работники располагались в бальной зале, не очень часто нарушая её тишину своим присутствием. Портреты предков князя, увековеченные знаменитыми художниками, заместитель трогать не

велел, а между ними приказал развесить портреты членов Политбюро. Портрет же идейного создателя Управления он приобрёл в двух экземплярах – один для танцевального зала, другой в барскую спальню.

Через некоторое время Арутюнов стал бороться со своими многочисленными конкурентами за очень крупный заказ к очередной годовщине Октябрьской революции. После длительного сражения и многочисленных интриг он победил, но времени на работу осталось мало, и ему срочно требовался помощник, а так как Вася имел опыт писания святых, то, по мнению Арутюнова, членов Политбюро во главе с Бровеносцем он мог намалевать одной левой.

Картина называлась «Речь Генерального секретаря на съезде КПСС» и представляла собой огромное монументальное полотно. Арутюнов показал Васе эскизы будущей картины и предложил разработать образы делегатов Съезда – рабочего, колхозницы и представителя творческой интеллигенции.

Воодушевлённые речью Генерального секретаря, они должны были стоя аплодировать докладчику. Вася за несколько дней сделал наброски, которые так понравились Арутюнову, что он почти полностью передоверил ему работу и уговорил директора училища разрешить студенту Горюнову свободное посещение занятий. Так за один год Вася из никому неизвестного третьекурсника стал сначала самым популярным диссидентом, а потом привилегирован-

ным любимчиком начальства. Арутюнов не мог нарадоваться на своего помощника. Он не знал, что, кроме его картины, Вася работает и над своей, очень похожей по композиции, но гораздо меньшей по размерам. На полотне Васи Генеральный секретарь, стоявший на подиуме, являлся карикатурой на самого себя: чуть более лохматые брови, значительно более мутные глаза и полуоткрытый рот, пытающийся произнести трудновыговариваемое слово. Бурно аплодирующий рабочий тоже был не совсем типичной фигурой, кочующей в советском изобразительном искусстве с одного полотна на другое. В Васиной интерпретации у этого представителя пролетариата глаза блестели не только от мудрых слов главного коммуниста Советского Союза, но и от водки, которую он принял со своими товарищами по классу перед заседанием. Горлышко бутылки торчало у него из бокового кармана пиджака.

Рядом с рабочим Генеральному секретарю аплодировала колхозница, гордо выставив вперёд свою необъятную грудь. За ней пристроился тощенький интеллигент в очках. Сильно подавшись вперёд, он с нескрываемым интересом заглядывал в декольте соседки.

– Вы показывали картину Арутюнову? – спросил Боря.

– Специально нет, но он её видел.

– И?

– Начал кричать, что я занимаюсь ерундой и понапрасну теряю время. Ведь если мы не успеем закончить полотно до

того как Генсек отбросит коньки, то вообще неизвестно, купит ли государство картину.

– И всё?!

– Конечно! Он даже рассказал мне, когда возник стиль социалистического реализма.

– Когда? – спросил Боря.

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Эх ты, темнота, – усмехаясь, сказал Горюнов, – слушай.

В древние времена, когда мир был ещё молод, падишах вызвал придворного художника и потребовал написать свой портрет. У владыки правая нога была скручена радикулитом, а на левом глазу бельмо. Художник так и изобразил своего господина, и падишах приказал его казнить.

Этот мастер был представителем реалистической школы.

Затем владыка велел другому художнику увековечить свой образ. Портретист, зная о судьбе предшественника, написал деспота с ногами одинаковой длины и глазами без единого дефекта. Увидев такую явную лесть, владыка вознегодовал ещё больше и приказал казнить подхалима.

Этот мастер был представителем романтической школы.

Затем падишах разослал гонцов, чтобы найти смельчака, способного, наконец, написать его правдивый портрет. Назов откликнулся доброволец. Такой, знаешь, в кожаной куртке, кобура на поясе и партбилет в кармане. Он искренно любил величайшего владыку всех времён и народов, готов был

за него в огонь и в воду, считал его непогрешимым, а все его решения – единственно верными. Он изобразил падишаха во время охоты верхом на лошади, круп которой закрывал больную ногу. Сам же владыка целился из ружья в бегущего навстречу льва, поэтому глаз с бельмом был закрыт. Падишаху эта картина так понравилась, что он щедро наградил художника, присвоил ему звание народного и сделал президентом Академии Художеств.

Этот художник был представителем социалистического реализма.

Так вот, Арутюнов настоятельно советовал мне работать именно в этом стиле и обещал со временем помочь стать членом Союза Художников.

– Ну и помог?

– Конечно.

– А зачем же вы в школе преподаёте?

– За членство деньги не платят, а жить на что-то надо. Я бы с удовольствием преподавал историю искусств, но в школьной программе такого предмета нет, поэтому мне дали обычную историю и рисование. Вот так. А теперь скажи, почему вы переехали в Москву? Я видел, как ты обиделся, когда я назвал Ригу глушью. Наверное, твои родители тоже любят город, в котором жили.

– Они и не хотели никуда переезжать, – сказал Боря, – их выжил оттуда академик Гайлис.

** *

А началось это с того, что невестка академика, Агнесса, уложив сына и убедившись, что он заснул, поехала в ресторан.

Там отмечали юбилей её тестя, академика Питерса Юриса Гайлиса, и она ни за что не хотела пропускать эту встречу, потому что на ней собрался весь рижский бомонд. В спешке Агнесса забыла включить ночник. Она специально купила эту маленькую лампочку, потому что её мальчик боялся темноты. Он спокойно проспал несколько часов, а проснувшись, позвал мать. Ему никто не ответил, он испугался, начал метаться на кровати, перевернул её и, упав на пол, больно ударился, после чего стал кричать и плакать. Вернувшись, родители увидели перевернутую кровать, промокшего от пота ребёнка с шишкой на лбу и сразу же позвонили в скорую. Дежурная выяснила, в чём дело, записала адрес и сказала, что в городе гололёд, очень много пострадавших и все машины на вызове.

– Я сын академика Гайлиса, – заявил Эдуард, – я требую, чтобы ко мне послали бригаду вне очереди.

Дежурная не знала, чем знаменит академик Гайлис, но спорить с Эдуардом не стала и, чтобы снять с себя ответственность, посоветовала ему обратиться к Софье Борисовне Коган, которая не только работает в специализированной поликлинике Академии Наук, но и подрабатывает на скорой помощи.

Эдуард позвонил Коганам в час ночи, а когда Софья Бо-

рисовна взяла трубку, сказал, что у его сына очень высокая температура, мальчик метался во сне, перевернул кровать и не переставая плачет.

– Вызовите неотложку, – посоветовала Софья Борисовна.

– Мы вызывали, но нам сказали, что машина приедет не раньше, чем через два часа, а у нас ситуация критическая, и я хочу, чтобы ребёнка срочно посмотрел специалист.

– Когда он перевернул кровать?

– Не знаю, думаю, полчаса назад.

– Неужели вы не слышали?

– Нет, то есть да.

– Почему же вы сразу не позвонили?

– Я надеялся, что обойдётся.

– Вас в это время не было дома?

– Это неважно.

– Я врач, я должна знать предысторию. Как долго ребёнок был один?

– Часа три.

– Вы давно пришли?

– Полчаса назад.

– Где мальчик в данный момент?

– С матерью.

– Он плачет?

– Нет.

– Если он не спит, дайте ему тёплого молока, а если заснул, не будите и приходите с ним завтра в поликлинику.

– Я хочу, чтобы вы его посмотрели сегодня.

– Сегодня не получится.

– Вы же давали клятву Гиппократа!

Отец Бори, Яков Семёнович, слышавший весь разговор, взял у жены трубку и сказал:

– Сейчас врач очень занята, она перезвонит вам через пять минут и обо всём договорится. Дайте мне, пожалуйста, свой точный адрес и номер телефона. Так... хорошо... понятно... А теперь слушайте внимательно. Доктор выполняет свою клятву в поликлинике, с семи утра до четырёх вечера, и, когда протрезвеете, приносите своё чадо туда.

– Вы знаете, с кем вы говорите! Я сын академика Гайлиса!

– Питерса Юриса Гайлиса? – спросил Яков Семёнович.

– Да.

* * *

Питерс Юрис Гайлис вёл в их институте семинары по истории и марксистско-ленинской философии. Правда, тогда он называл себя Пётр Юрьевич. Его настоящее имя студент Яша Коган узнал, когда готовился к докладу о роли красных латышских стрелков в гражданской войне. Делать доклад надо было на областной партийной конференции, а взялся Коган за него, чтобы получить освобождение от экзамена. Тему выбрал ему сам Гайлис и в качестве главного источника дал свою диссертацию. Во время подготовки Яша спросил преподавателя, не знает ли он о латышских стрелках, которые сражались против Красной армии. Вопрос Гайлису очень не

понравился. Он не хотел вспоминать о тех, кто сражался по другую сторону баррикад, потому что среди них были его родные братья. Сам же он убежал в Минск и сменил имя именно потому, что не разделял их взглядов. Признался он в своём родстве только в конце жизни, когда Латвия отделилась от Советского Союза и в официальной печати вновь образовавшейся республики время, проведённое в дружной семье советских народов, стали называть рабством, а всех сражавшихся против вступления в Советский Союз перевели из врагов народа в национальные герои.

Студенты недолюбливали Гайлиса, считали его демагогом, а однажды на вечеринке в общежитии даже разыграли миниатюру, высмеивавшую его семинары. Кончилась эта история печально: кто-то донёс начальству, и артистов отчислили из института.

* * *

– Да, – повторил Эдуард, прервав его воспоминания, – я сын академика Гайлиса.

– А я инвалид войны, – ответил Яков Семёнович, – у меня от ранения бывают приступы шизофрении, во время которых я за себя не отвечаю. Могу, например, прийти к соседям и учинить мордобой. Так что меня лучше не раздражать, понял? – и, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Но заснуть Яков Семёнович не мог и долго ещё ворочался с боку на бок. Он вспоминал рассказы своих сокурсников о Гайлисе, который быстро делал карьеру. После войны

Питерс Юрис Гайлис оказался в Латвии и защитил докторскую диссертацию, в которой писал, что в Литве, Латвии и Эстонии в 1940 году произошли революции, и все три государства обратились к советскому правительству с просьбой принять их в семью советских народов. Всесоюзная Аттестационная Комиссия утвердила диссертацию в рекордно короткий срок, а соискателя скоро выбрали в Латвийскую академию наук. Проворочавшись до трёх часов ночи, Яков Семёнович Коган поднялся и, плотно закрыв дверь, вышел в коридор. Там он достал бумажку и набрал номер, а когда Гайлис-младший снял трубку, извинился, что грубо разговаривал с ним несколько часов назад и спросил, как себя чувствует больной. Спокойно выслушав ругань, он напомним, что врач принимает с семи утра.

Эдуард пожаловался отцу, и академик пришёл в ярость. Ветеранство в глазах Питерса Юриса вовсе не было заслугой. Ещё неизвестно, какой стала бы Латвия, если бы победили немцы, но поскольку сделать с Коганом он ничего не мог, то написал большую статью в центральной газете о недобросовестном отношении некоторых врачей к своей работе и в качестве примера привёл случай, который произошёл с его внуком. Софью Борисовну он представил крайне неквалифицированным педиатром, а её мужа – пьяницей и дебоширом. Вскоре многочисленные подхалимы сделали жизнь семьи Коганов невыносимой. Софье Борисовне пришлось уйти из специализированной поликлиники. Она устроилась в

больницу, где зарплата была гораздо меньше, но и там продолжались мелкие придирки сотрудников, выслуживавшихся перед начальством. Через год семья Коганов обменяла свою квартиру в Риге на комнату в небольшом подмосковном городке.

* * *

Когда Боря закончил свой рассказ, дверь открылась и в комнату вошла кающаяся грешница с картины Горюнова. У неё была другая причёска, более современная одежда, и выглядела она гораздо старше, но Боря был уверен, что именно она была прототипом.

– Знакомься, мама, – сказал Василий Николаевич, – это мой ученик, Боря Коган. Он пришёл меня проповедать, то есть проведать.

– Не богохульствуй, – одёрнула его мать, – а мальчика лучше чаем напои.

– Да нет, спасибо, я не хочу, – сказал Боря, – мне уже домой пора.

– Видишь, мама, ему всё время пора домой, когда надо что-то делать. Моделью работать или чай пить. Я правильно говорю, остряк из Риги?

– Я бы и ходил на ваш кружок, но у меня нет способностей к рисованию.

– Значит, ты не будешь великим художником, ты просто научишься рисовать, но всё равно это тебе не помешает.

Когда Василий Николаевич выздоровел, Коганы пригла-

сили его в гости. После этого он закончил портрет Софьи Борисовны и написал даже их соседку по коммунальной квартире – Тамару. Он изобразил её сумасшедшей. В лохмотьях, не прикрывающих её отталкивающей наготы, она плясала на базарной площади. Вокруг стояли люди и, усмехаясь, показывали на неё пальцами. Картина называлась «Божья кара».

– Почему вы решили, что Тамара ненормальная? – спросил Борис.

– Я её такой вижу.

– Конечно, она странная женщина, но ведь у каждого есть причуды.

– Это не причуды, Боря, это безумие.

– Вы уверены?

– Конечно, уверен, я же художник. Я вот и тебя написал. Не такого, какой ты сейчас, а такого, каким ты будешь лет через сорок, – Горюнов показал ему акварель.

– Это не я, – сказал Боря, – это даже не мой отец.

– Возьми, придёт время, сравнишь. Я хотел пофантазировать, особенно после того, как познакомился с твоими родителями.

Борис скептически хмыкнул и сказал:

– Спасибо, Василий Николаевич, я буду хранить ваш шедевр в специальном месте, как Дориан Грей, а потом сравню с оригиналом.

– И что ты сделаешь, если обнаружишь сходство?

– Пока ещё не знаю, – честно признался Боря.

– Ну, тогда приходи на кружок рисования, это поможет тебе узнать.

– Хорошо, приду.

Кабинет Горюнова отличался от всех остальных помещений школы. На стенах висели принты известных картин, а парты, стулья и учительский стол были недавно выкрашены и выглядели гораздо новее, чем в других аудиториях.

Василий Николаевич начал занятие с того, что напомнил основные правила композиции, затем взял свой стул, поставил его сначала на одно место, потом на другое и, наконец, взгромоздив на преподавательский стол, сказал:

– Представьте себе, что на этом стуле пять минут назад произошло убийство, сделайте его центром картины и изобразите так, как вы его видите.

Боря стал вспоминать сцены насилия из разных фильмов, но ничего интересного в голову не приходило, и он нарисовал красный стул с изогнувшимися под тяжестью преступления ножками. Горюнов ходил между рядами и смотрел на работы учеников, никак их не комментируя. Советы он давал, только когда его спрашивали. Пока ребята рисовали, он напомнил, что следующее занятие будет посвящено импрессионистам и пройдёт в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, потому что там находится одна из крупнейших в мире коллекций французских художников.

Это была первая поездка Бори в московский музей, и она произвела на него сильное впечатление. Разница между сто-

лицей Советского Союза и Ригой была огромна, и он жалел, что за всё это время ещё ни разу не был в Москве. По пути домой он спросил у Горюнова, не собирается ли Василий Николаевич в ближайшее время повезти их куда-нибудь ещё.

– Например?

– В театр.

– В какой?

– В Вахтангова, на «Принцессу Турандот».

– Это же детский спектакль, – удивился Горюнов.

– Я знаю, – ответил Боря.

– А почему ты вдруг захотел эту принцессу?

– Так... – неопределённо ответил Боря.

* * *

Началось это ещё в Риге, когда ему было десять лет, и в его обязанности входила еженедельная уборка квартиры. Отец посоветовал ему совмещать приятное с полезным и наводить порядок, когда идёт передача «Театр у микрофона».

В тот раз транслировали «Принцессу Турандот». Боря закончил уборку к концу первого действия, но остался и дослушал пьесу до конца. Потом отец спросил, кто из артистов понравился ему больше всего.

– Ведущий, – ответил Боря, – мне кажется, он много импровизировал.

– Да, – согласился Яков Семёнович, – но все эти импровизации хорошо отрепетированы.

– Откуда ты знаешь?

– Я так думаю. В этом и заключается мастерство артиста. Он должен внушить зрителю, что действие развивается перед его глазами.

– Папа, пойдём с тобой в театр!

– Этот театр находится в Москве.

– Но ведь у нас тоже есть.

– Хорошо, обязательно пойдём, а пока ты можешь слушать постановки по радио.

Хотя доставать билеты и ездить на представления Якову Семёновичу было физически тяжело, он вскоре повёз сына в театр. Боре там не понравилось: костюмы артистов показались заношенными, а декорации невзрачными. Чтобы у него не пропал интерес, отец стал внимательно следить за программой передач, напоминая, когда будет следующая трансляция. Постепенно Боря привык слушать «Театр у микрофона» и обсуждать постановки с отцом. Иногда к ним присоединялась и Софья Борисовна. Делать это она могла очень редко, потому что кроме поликлиники работала ещё на «Скорой», но если была дома, то обязательно принимала участие в разговоре. Для них это стало почти такой же традицией, как семейный обед.

Драка в школе

В самом конце последней четверти в классе появился новый ученик – Володя Рошин. Он быстро подружился с Лёней Сметаниным, и они стали называть друг друга Лёнчик и Вов-

чик. Оба были второгодниками, гораздо здоровее своих одноклассников и вели себя как хозяева. Девушек они не трогали, но ребят задирали при каждом удобном случае. Главной их мишенью стал Боря. Он не отвечал на их обидные реплики и старался избегать встреч с ними, но они хотели продемонстрировать свою силу, и однажды Роцин преградил ему путь.

– Я слышал, что ты сечёшь в математике, – сказал он.

– Секу, – ответил Боря.

– И домашнее задание, небось, сделал?

– Сделал.

– Дай списать.

Боря, наверное, и дал бы, если бы Роцин попросил его другим тоном, но теперь, когда на них смотрели одноклассники, он отрицательно покачал головой.

– Чего головой мотаешь?!

– Сам делай.

– Что? – сказал Вовчик и схватил его за ухо. В этот момент вошёл преподаватель, и Роцин нехотя отпустил свою жертву, но с этого дня жизнь Бори стала невыносимой. Другие ученики были рады, что задирают не их, и делали вид, что не замечают Бориных мучений. Вовчик же не упускал ни одной возможности ущипнуть Борю, дёрнуть его за волосы или пнуть локтем в бок. Иногда то же самое проделывал Лёнчик. Они не торопились к своей жертве, зная, что она от них никуда не уйдёт. Не на этой перемене, так на следующей,

не в школе, так после уроков, не сегодня, так завтра, но свою порцию он всё равно получит.

Боря стал бояться перемен, старался выйти из класса вместе с преподавателем, а потом вместе с другим преподавателем войти. Он прятался от своих мучителей, но это не помогало. Отец видел, что Боря изменился, и несколько раз пытался поговорить с ним, но сын отмалчивался. Наконец, уже после окончания учебного года, улучшив момент, Яков Семёнович запер Борю и сказал:

– Я тебя никуда не выпущу, пока ты всё мне не расскажешь.

И Боря рассказал.

– Что ты думаешь делать? – спросил отец.

– Переведи меня в другую школу, – попросил Боря.

– Там может оказаться другой Рощин.

– Тогда поговори с его матерью.

– Чем она занимается?

– Работает на заводе.

– А отец у него есть?

– Нет, он умер.

– Откуда ты знаешь?

– Я однажды слышал, как он сказал это своему другу.

Он хвастал, что после смерти отца он стал главой семьи, и мать его во всём слушает.

– Понятно.

– Что мне делать?

– Нанести ему два точных удара: один ногой по яйцам, а второй в голову. Бить надо изо всей силы, чтобы он уже не встал. И если ты быстро уложишь Рощина, то его приятель не успеет вмешаться.

– А потом?

– Потом то же самое проделаешь со Сметаниным.

– Я не умею, я никогда не дрался.

– Научись, другого выхода нет.

Боря и сам часто мечтал о том, что расправится со своими обидчиками, и отец как будто прочёл его тайные мысли.

– Что молчишь? – спросил Яков Семёнович.

– Я не сумею.

– Значит, терпи и не жалуйся.

– Неужели тебе всё равно?

– Я готов тебе помочь и прослежу за тем, чтобы у тебя всё получилось, но делать ты всё должен сам.

– Как?

– Сделай чучело, отметь место, в которое должен бить, и тренируйся. Лето только начинается, и ты можешь упражняться на улице. Потом я поговорю с мамой, и ты перенесёшь чучело домой. Кроме того, тебе нужно отработать боксёрские движения. Я куплю две килограммовые гантели. Прыгай с ними минут по двадцать и работай руками, как на ринге. Это тебе пригодится, чтобы увереннее себя чувствовать, но самое главное – удары ногой.

– Я же могу их покалечить, – сказал Боря.

– Не можешь, а должен.

– Но как же...

– Если тебе их жалко – терпи.

– Я не могу терпеть, ты не представляешь, что это такое.

Ты, наверное, учился с нормальными ребятами.

– Я очень хорошо представляю, поэтому и хочу, чтобы ты выяснил отношения с ними раз и навсегда. Ты должен поставить их на место, потому что, если будешь молчать, жизнь твоя превратится в сплошной кошмар. Это война, а значит, вести себя нужно, как на войне. Я тебе раньше никогда не рассказывал, но, наверное, зря. Ты знаешь, что я был в гетто?

– Да, мама мне говорила.

– А ещё что-нибудь она тебе говорила?

– Нет.

– Ну, тогда слушай. Фашисты нас не особенно охраняли, и через некоторое время из лагеря бежала небольшая группа евреев. Они столкнулись с отрядом латвийцев, которые называли себя народной армией и поддерживали порядок в районе. Они задержали беглецов и передали их немцам, а командира группы закопали живьём. Фашисты всех расстреляли. Мы узнали об этом из специального приказа, который нам с удовольствием зачитал наш бригадир. Мы понимали, что оставаться в лагере нельзя, и решили действовать по-другому. Сформировав отряд в пятьдесят человек, мы пошли на прорыв и первым делом захватили хутор, через который шла единственная дорога на волю. В нём мы расстре-

ляли всех мужчин. Все они были членами народной армии. Остальных мы собрали в сарае, облили сарай бензином и подожгли. Многим удалось бежать, но мы специально их не трогали, чтобы они рассказали о случившемся. После этого из гетто убежали все, кто мог.

В лесу мы образовали партизанский отряд. А поскольку командование осуществляла советская армия, наш отряд слился с русским отрядом. У моего друга Изя была шуба, а это в лесу большая ценность, и один из русских командиров предложил обменять её на пачку папирос, хотя знал, что мой друг не курит. Изя, естественно, отказался и посоветовал «старшему брату» во время следующего рейда убить немецкого офицера и взять его шубу себе. Вскоре группа, куда входил мой друг, отправилась на задание. Первым делом партизаны пошли в ближайшую деревню к девочкам, которые оказались патриотками: партизанам они давали бесплатно, а немцам только за продукты. Командир отряда со своими друзьями решил отметить встречу, а Изю поставили охранять избу. Он простоял на холоде часа два и, решив, что за это время бойцы уже успели развлечься, вошёл внутрь, но был самый разгар веселья.

– Ребята, имейте совесть! – сказал он.

– Ты нарушил приказ, – закричал уже хорошо выпивший командир, и застрелил его на месте, а шубу забрал себе. Вернувшись, он сказал, что Изя расстрелян за трусость.

В тот же день я с несколькими друзьями пошёл в дерев-

ню и попросил девочек рассказать, что произошло на самом деле, а поскольку времени у нас не было, предупредил, что если они будут врать или играть в молчанку, мы их всех перережем. Они не поверили, а одна даже стала пародировать наш акцент. Я тут же расквасил ей морду, и они всё рассказали. В следующий раз мы попросились на задание вместе с группой партизан, которые убили моего друга. Улучив момент, мы их всех перестреляли, а вернувшись, доложили, что они пали смертью героев. Шубу, естественно, мы принесли с собой. Все поняли, что произошло, и после этого нас никто не трогал.

Боря сидел ошарашенный. Он не мог поверить, что его отец способен на такое, и смотрел на него широко открытыми глазами. Отец видел, какое впечатление произвёл его рассказ, и не жалел о том, что немного сгустил краски.

– Это был единственный способ выжить, – сказал Яков Семёнович, – если бы мы так не поступили, то не вернулись бы с фронта, я не женился бы на твоей матери, и тебя не было бы на свете. Так что ты должен быть мне благодарен.

– Спасибо, – тихо сказал Боря.

– Но это ещё не всё, – продолжил отец, – твоя мама, прежде чем выйти за меня замуж, предупредила, что рожать больше не будет. Она достаточно намучилась при родах первенца, который прожил всего три дня, и больше рисковать не хотела. Конечно, тогда я с ней спорить не стал, но потом сумел её переубедить. Ведь для каждого из нас это был вто-

рой брак. Наши первые семьи погибли во время войны, и я думаю, втайне она тоже хотела ребёнка, но это уже другая история.

На следующий день Боря сделал из мешка подобие чучела и стал тренировать удар ногой. Когда он уставал от этих однообразных упражнений, то прыгал с гантелями. Ни то, ни другое ему не нравилось, но отрабатывать точность удара было необходимо. Недели через три он купил воздушные шары и стал привязывать их на нитке к мешку так, чтобы шар находился на уровне головы. После удара ногой он хватал шар и разбивал его о своё колено. Было это непросто, потому что от малейшего движения воздуха шар могло отнести в любом направлении. Хотя Боря чередовал упражнения, они быстро ему надоедали. По совету отца он делал их по полтора часа в день, а для того чтобы выдержать такую нагрузку, во время прыжков с гантелями представлял себе, что бьёт Вовчика или Лёнчика. К концу лета его движения были доведены до автоматизма. За два месяца он сильно вытянулся и по росту почти догнал Рощина, а постоянные тренировки сделали его уверенным в себе. Тем не менее перед первым сентября он сильно нервничал и плохо спал.

– Не бойся, – сказал Яков Семёнович, провожая его в школу, – и не спеши, жди, пока Рощин сам подойдёт к тебе, смотри ему прямо в глаза, а когда он приблизится на нужное расстояние, бей. И никакой жалости.

Всё произошло, как и предсказывал отец. На большой пе-

ремене Вовчик, ухмыляясь, направился к Боре.

– Ну, как отдохнул, Коган? Небось, к морю ездил?

Боря молча смотрел на него.

– Что молчишь? Язык со страху проглотил?

Боря действительно боялся предстоящего столкновения, а Рошин, подходя к нему, уже твёрдо решил его избить. Он видел, что бывшая жертва стала почти с него ростом и раздалась в плечах, так что теперь особенно важно было доказать свою силу. Вовчик протянул правую руку, чтобы ущипнуть Когана, но Боря опередил его, ударив ногой в пах. Рошин глухо охнул и согнулся пополам, но ещё до того как он упал, Боря схватил его за волосы и со всей силы припечатал физиономией к своему колену. Всё это заняло не более пяти секунд. Ещё через пять секунд Лёнчик тоже был на полу, а Боря, подтащив Вовчика к его ближайшему приятелю, схватил обоих за волосы и изо всей силы ударил головами. Он собирался проделать это ещё несколько раз, но кто-то схватил его сзади медвежьей хваткой.

– Отпусти, гад, – крикнул Боря, пытаясь высвободиться.

– Не пущу, ты их убьёшь.

– Не твоё дело.

– Моё, – возразил незнакомец.

Как Боря ни пытался вырваться, сделать он ничего не мог. Он даже был не в состоянии пошевелиться.

Незнакомца звали Саша Иванов, это был его первый день в школе, и с этого дня началась дружба, которая связала ре-

бят на всю жизнь.

Они очень много времени проводили вместе. Часто они помогали Сашину отцу ремонтировать его допотопную «Победу», за что получали право катать на ней своих одноклассников. Иванов-старший был отличным механиком, и к нему за помощью обращались почти все соседи по гаражу. Со временем он стал доверять ребятам простой ремонт, благодаря чему они всегда имели карманные деньги.

* * *

Вскоре после разборки с Роциным Яков Семёнович завёл с Борей разговор об институте. Они обсуждали эту тему и раньше, но до сих пор дело ограничивалось воспитательным монологом. Яков Семёнович внушал сыну, что бежать жизненный марафон ему придётся с гирями в руках, и если он не хочет прийти к финишу последним, то работать он должен гораздо больше, чем другие. Для начала надо получить медаль, чтобы легче было поступить в институт, а потом выбрать хорошую специальность, которая обеспечит кусок хлеба.

Но Боря ещё ничего не выбрал. Несмотря на то, что он уже неплохо изучил устройство легковых автомобилей, делать это своей специальностью он не собирался. Кроме того, он твёрдо знал, что в медицинский тоже не пойдёт. Там нужно учить латынь, а он не любил иностранные языки. После того как он понял, что поездки за границу ему не светят, он и английский учил спустя рукава. На вопрос отца, куда он

собирается поступать, он ответил:

– В историко-архивный.

Яков Семёнович шутку не оценил и разразился длинной тирадой о том, что для мужчины это не специальность. Конечно, она почти не требует затрат умственной энергии, потому что запомнить даты и события может любой дурак, но зато и семью прокормить с такой специальностью тоже невозможно. Самое же главное, история, которая на первый взгляд кажется безобидной наукой, является крайне опасной, ибо одни и те же события можно толковать по-разному, а неправильная интерпретация иногда приводит к весьма печальным последствиям. Он сам видел это, когда учился в институте. Четверо его сокурсников в общежитии исполнили сценку, пародировавшую семинар по марксистско-ленинской философии, которую вёл Пётр Юрьевич Гайлис.

Миниатюра была такая: преподаватель спросил, в чём состоит роль человеческого фактора в борьбе с враждебной идеологией. Студенты подняли руки, и он выбрал одного из них. Тот встал и вылил ковш воды. Преподаватель одобрил его ответ и попросил другого студента дополнить. Тот поднялся и вылил стакан воды. Третий студент сказал, что хочет добавить и вылил рюмку воды. Преподаватель похвалил всех и сказал:

– А теперь разрешите обобщить, – и вылил ведро воды. После этого артистов выгнали из института и забрали в армию, но они ещё легко отделались: сыграй они свою миниатюру,

тюру на несколько месяцев позже, могли бы загреметь в лагерь.

– В отличие от истории, техника всегда остаётся конкретной, – сказал Яков Семёнович, – и закон Ома одинаково справедлив для капиталистов, для коммунистов и для жителей неприсоединившихся стран. А самое главное, в гуманитарных институтах нет военной кафедры, и после получения диплома придётся идти в армию.

– Ну и что? – спросил Боря, – все мои минские родственники служили.

– У них не было выбора. Самый высший уровень их образования – техникум, но если бы они могли избежать армии, то наверняка сделали бы это.

– Я говорил с ними, и все они вспоминали армейскую жизнь с удовольствием.

– Ты другой, ты там можешь сломаться, потому что в армии таких, как Рошин, каждый второй.

– Да я не очень туда и стремлюсь. Это я так просто сказал.

– Ну и хорошо, а что касается Минска, то скоро ты поедешь туда на очередную свадьбу.

– А вы с мамой?

– Маме некогда, а мне уже тяжело, – сказал Яков Семёнович.

Свадьба состоялась через полтора года. Боря встретился на ней почти со всеми родственниками, но особенно ему было приятно повидаться с Фимой.

* * *

Они познакомились, когда им было по пять лет. Отец привёз его на несколько дней, и Боре сразу понравилось в этом огромном доме с многочисленными пристройками, где жили три поколения его родственников.

Тогда он впервые увидел их вместе и тут же мысленно разделил на две большие группы – родители и дети. Одни всё ещё энергичные, жизнерадостные, но уже с проседью и лысиной, а другие только набирающие силу. Дети были очень похожи на родителей – ребята на отцов, а девушки на матерей. Наверное, сильны были фамильные гены, и природа не хотела отдавать того, что путём естественного отбора накопила за много поколений. Вокруг них была аура физического здоровья и душевного спокойствия. Даже его инвалид-отец среди них чувствовал себя гораздо лучше.

Боря так понравился им всем, что они упросили Якова Семёновича оставить его в Минске на всё лето. Ведь мальчику нужен свежий воздух, а здесь вокруг дома много фруктовых деревьев и огород, на котором Боря отработает свой постой. Он будет полоть клубнику и собирать смородину вместе со своим двоюродным братом Фимой.

Отца не нужно было долго уговаривать. Он вернулся в Ригу, оставив Борю в этом гостеприимном доме.

С тех пор каждый раз, когда Боря приезжал в Минск, родственники говорили ему, как он вырос и повзрослел. Он тоже видел, как менялись его тётки и дяди, становясь ещё бо-

лее седыми, лысыми и морщинистыми. Они искренно радовались каждой встрече, и, попадая к ним, он чувствовал себя как дома, запросто общаясь со всеми. Он с удовольствием подходил к одному из своих многочисленных кузенов и, хлопнув по плечу, спрашивал, как дела, а выслушав рассказ, переходил к следующему.

Увидев Фиму после длительного перерыва, Боря повторил фразу, которую сам слышал в Минске много раз:

– Как ты вырос!

За полтора года, пока они не виделись, Фима действительно вымахал в огромного детину и выглядел гораздо старше своих лет.

– Да уж, я времени зря не терял, – согласился тот.

– Я слышал, ты теперь учишься в физико-математической школе?

– Учусь.

– И как тебе там?

– Нормально.

– А куда ты пойдёшь после окончания?

– В МГУ. Жаль только, что он находится в Москве. Родители не смогут мне помогать, ведь моя сестра после развода осталась с двумя детьми, и они в первую очередь должны заботиться о ней.

– Я сначала тоже хотел в МГУ, но отец сказал, что туда берут только очень умных и только чистокровных арийцев.

– У любого правила есть исключения.

– И ты надеешься быть исключением?

– Третьим исключением. Первые два – это мои одноклассники Сеня Альтшуллер и Лёня Гольдин. Они вошли в пятерку призёров на Всесоюзной олимпиаде по физике, и декан физфака лично пригласил всех пятерых на свой факультет. Он обещал им зачисление без экзаменов и повышенную стипендию.

– Надо же, – удивился Боря.

– Поэтому я и буду туда поступать. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Ты ведь тоже рисковал, когда набил морду Рощину. Как он, кстати, больше тебя не трогает?

– Нет, он с матерью куда-то переехал.

– А Сметанин?

– Остался на второй год.

– Вот видишь.

Фима Кац чем-то напоминал Сашу Иванова. Оба были высокие, сильные, уверенные в себе и готовые идти напролом. Сам Боря тоже мог действовать решительно, но для этого ему нужно было всё заранее обдумать, хорошо отрепетировать и психологически подготовиться.

После возвращения из Минска он колебался, выбирая между МГУ и автодорожным, но, когда Фима, сдав выпускные экзамены, приехал в Москву, вопрос был решён. Двоюродный брат быстро уговорил его штурмовать самый лучший вуз Советского Союза. Ведь даже если он и не поступит, то приобретёт опыт сдачи экзаменов. Правда, его ме-

даль в данном случае никаких преимуществ не даст, потому что 95% поступающих в МГУ – медалисты.

В тот год в Университете было двадцать семь человек на место, но после письменной математики подавляющее большинство отсеялось. Ребята знали, что они прошли в следующий тур. Фима решил все задачи, а Боря – три из пяти.

– Ну, что ж, друзья, теперь начинается самое трудное, – сказал им Яков Семёнович, – потому что на устном экзамене подход к вам будет индивидуальный, и возможны всякие неожиданности.

– Я готов, – сказал Фима.

– Я тоже, – подхватил Борис.

– Для начала вам нужно узнать, когда следующий экзамен.

Через два дня перед входом на факультет уже висели составы групп, время экзамена и номер аудитории. Когда ребята искали свои фамилии, то увидели, что группы сформированы по национальному признаку. Яков Семёнович, узнав об этом, сказал:

– Я не ожидал, что они будут действовать так прямолинейно. Если хотите, я могу поехать на экзамен с вами.

– Это ничего не изменит, – возразил Фима, – я думаю, даже если нас будут предвзято спрашивать и необъективно оценивать, всё равно есть шанс. Нужно только ответить так, чтобы даже они ни к чему не смогли придраться. Приняли же моих друзей Альтшуллера и Гольдина.

– Я от всей души желаю, чтобы ты оказался прав, – сказал

Яков Семёнович, – но рабы всегда выполняют приказы хозяев.

– Рабов можно припугнуть.

– Нет, с ними нельзя действовать как с Роциным.

– Почему?

– Потому что тогда вместо МГУ вы попадёте в тюрьму.

– Ладно, не будем, – согласился Фима, – я просто покажу экзаменаторам фотографии, которые висят у милиции с грифом «особо опасные преступники», скажу, что это мои братья, они слёзно просят поставить мне то, что я заслуживаю, иначе не ручаются за последствия.

– Ха-ха, – не улыбаясь, сказал Яков Семёнович.

* * *

Устную математику принимали два экзаменатора, которые, как многостаночники, спрашивали по несколько человек одновременно. Бегло просмотрев ответы на билет, они тут же давали абитуриентам дополнительные задачи. Первую Боря решить не смог. За ней последовала другая, над которой он бился так же безрезультатно. В это время преподаватель, спрашивавший Фиму, сказал:

– Ну, если вы не можете решить такой простой пример, то вообще непонятно, что вы здесь делаете.

Борин экзаменатор, прогуливавшийся по аудитории, подошёл к коллеге и спросил:

– А что он получил по письменной математике?

– Пятёрку.

– Наверное, списал.

– Я вам сдавать не буду, – зло сказал Фима, – я подам апелляцию и буду отвечать комиссии.

– Апелляционной комиссии для вас никто устраивать не станет, это университет, а не суд присяжных.

Фима молча встал, подошёл к столу и начал искать свой экзаменационный лист.

– Что вы делаете, вы заслужили двойку, и я вам её поставлю, – сказал экзаменатор, подходя к нему.

Фима схватил его за рубаху, повернул руку так, что воротник сжал его горло, и, медленно выговаривая каждое слово, произнёс:

– Если я получу двойку, ты получишь в пятак, понял? Экзаменатор оторопел от боли и наглости. Была середина 60-х годов, и абитуриенты МГУ относились к преподавателям с должным пиететом, а этот вёл себя как уличный хулиган. До сих пор такого рода инцидентов у экзаменатора не было, и он растерялся. Распоряжения ему были даны устно, и он прекрасно понимал, что если возникнут неприятности, всё свалят на него. Кроме того, этот Кац здоров как бык, и неизвестно, что у него на уме.

Боря смотрел на брата как замороженный. Сам он никогда бы не решился на такое, но пример Фимы так подействовал на него, что он встал, подошёл к столу и сказал:

– Я тоже буду отвечать комиссии.

К задыхавшемуся преподавателю наконец вернулся дар

речи, и, стараясь выглядеть решительным, он с трудом проговорил:

– А ну отпусти.

Фима оттолкнул его и, найдя экзаменационный лист брата, протянул его Боре. Отбирать у них документы никто не решился.

На апелляционной комиссии Боря и Фима ответили на все вопросы, но по неписанному закону им поставили тройки, а следующий экзамен по английскому они сдать не смогли. Фима вернулся в Минск, а Боря вместе с Сашей Ивановым поступил в Московский автодорожный институт. Там, как и в школе, предметы давались ему легко, и после первого семестра он даже получил повышенную стипендию, но разница между повышенной и обычной была настолько незначительной, что стараться не стоило. Он и не усердствовал, особенно если дело касалось общественных дисциплин.

Два друга

В институте Боря подружился с Володей Мухановым. Его новый товарищ не прошёл по конкурсу в театральное училище и выбрал автодорожный только потому, что здесь был один из лучших Студенческих Театров Миниатюр. Володя приехал в Москву из небольшой деревни под Богородском (так он упорно называл Ногинск). У руководителя студии – артиста Лузина – Муханов узнал, что купить билеты в хорошие московские театры можно только по записи. В начале сезона надо было встать в очередь, а потом каждую неделю

приезжать на переключку. Через несколько месяцев докликавшиеся до победного конца могли приобрести билеты на десять спектаклей. Володя уговорил друзей отмечаться вместе, и первое время они ходили втроём, но скоро он остался один. Терять свою очередь он не хотел. В ней театралы обменивались впечатлениями об игре артистов и о нашумевших постановках, а ему это было не менее интересно, чем сами спектакли. Получив билеты по себестоимости, он решил впредь не тратить времени и покупать их у спекулянтов. Деньги на это достались ему от бабушки Алёны.

Алёна была ещё жива, и Володя надеялся, что когда-нибудь она расскажет ему свою историю. Пока же он знал очень немного.

В семь лет бабушка стала горничной хозяйки имения — княгини Лидии Аверьяновны Долгоруковой. Барыня была очень властной, не терпела возражений, поэтому её единственный сын Олег, учившийся в гимназии, всегда придумывал какой-нибудь предлог, чтобы не возвращаться на каникулы домой. Лидии Аверьяновне же, несмотря на строгость, присущи были и любовь, и нежность, и все свои нерастраченные чувства она излила на служанку. Она привязалась к девочке, выписала для неё учебники и руководила её образованием, а в качестве дополнительных уроков русского языка заставляла Алёну читать письма и под диктовку писать ответы.

Так Алёна узнала, что Олег окончил гимназию, но вместо

того чтобы поступать в университет, пошёл в кавалерийское училище. Там он быстро освоил верховую езду и все виды оружия, а после первого курса приехал домой, для того чтобы покрасоваться перед матерью в кавалерийском мундире. Двенадцатилетняя Алёна влюбилась в него с первого взгляда и бегала за ним как хвостик, выполняя любое его поручение. Олег не мог не заметить её отношения и, чтобы не обижать девочку, иногда угощал её конфетами, а при расставании поцеловал в лоб и подарил свою фотографию. Алёна была разочарована: она считала себя достаточно взрослой для поцелуя в губы, но подарок хранила бережно и часто подолгу его рассматривала. Она с нетерпением ждала писем молодого барина, но бурная жизнь не оставляла ему времени на обстоятельные отчёты, к тому же он не хотел делиться с матерью всеми своими приключениями. Подробно он написал лишь об одном.

Он тогда гостил у своего одноклассника в Малороссии. Молодые люди почти каждый день в полной форме катались верхом, чтобы произвести впечатление на соседских барышень. Во время одной из таких прогулок они оказались около еврейского местечка и, увидев пожар, свернули туда.

Там полным ходом шёл погром. Молодые офицеры и сами относились к евреям без большой любви, но спокойно наблюдать за избиением и грабежом не могли. Олег пустил своего коня галопом и, не тратя времени на уговоры и выстрелы в воздух, рубил погромщиков направо и налево. Его

друг следовал его примеру. Неожиданность атаки, ярость кавалеристов и преимущество конных над пешими обратили грабителей в бегство. Но организатор, планировавший поживиться во время погрома и заранее договорившийся со скупщиком, был взбешён и стал стрелять в молодых людей. Олег прикончил его на месте, а потом начал помогать раненым.

В тот раз убитых было немного, а из покалеченных тяжелее всех пострадал часовщик. Дом его сгорел, и, поскольку у него ничего не осталось, он решил попытать счастья в России. Олег дал ему письмо к матери, и часовщик со своим сыном направился в имение Долгоруковых. Там Алёна прочла Лидии Аверьяновне послание Олега, а потом вместе с ней выслушала рассказ пострадавшего. Хозяйка поселила погорельцев в летнем домике, а когда часовщик окончательно выздоровел, дала ему денег и рекомендательное письмо своим дальним родственникам в Москву. Он поблагодарил барыню и сказал, что он немного понимает в драгоценных камнях, и, если княгине понадобится его помощь, он для неё сделает всё, что в его силах.

После этого от Олега долго не было никаких вестей, но от общих знакомых Лидия Аверьяновна узнала, что он бросил кавалерийское училище и стал играть в труппе какого-то провинциального театра. Княгиня не могла в это поверить. Конечно, она знала, что её сын непредсказуем, но не допускала мысли, что он станет артистом. Она считала эту про-

фессию плебейской и сторяча даже хотела лишить Олега наследства. Специально для этого она поехала в город, но её адвокат в это время был в Крыму, и Лидия Аверьяновна отложила свой план, а потом остыла, надеясь, что сын, в конце концов, перебесится.

В Москве барыня зашла к часовщику. Он уже открыл свою мастерскую и работал с сыном Лазарем, который быстро осваивал специальность ювелира.

Между тем Алёна из тощего цыплёнка превращалась в красивую девушку. Это не осталось незамеченным, и управляющий княгини стал проявлять к ней интерес, всё более настойчиво добиваясь её внимания. Алёна написала подробное послание Олегу, упомянув также, что управляющий безбожно обворовывает Лидию Аверьяновну. От молодого хозяина тотчас же пришёл ответ. Он сообщал, что приедет со своим другом сразу после ярмарки, а поскольку его приятель любит вкусно поесть, просит, чтобы их хорошо приняли. Друг его проверит, как в имении ведётся хозяйство, поговорит с управляющим и выяснит, почему в последнее время доход так резко сократился. Послание это было адресовано матери, но Алёна знала, что в действительности Олег писал ей.

Ярмарка была одним из немногих развлечений сельских жителей, и они ходили туда не только чтобы купить продукты, но и чтобы потолкаться в пёстрой толпе и посмотреть выступление бродячих артистов. Алёна, к тому же, хотела отвлечься от грустных мыслей. Она не очень рассчитывала

на помощь молодого барина, а по опыту других служанок знала, что долго сопротивляться управляющему не сможет. Бросить службу и уехать она не могла, потому что на её жалование жила больная мать. Размышляя об этом, она подошла к помосту, на котором выступали два артиста. Сначала один из них изобразил молодую женщину, а другой художника, который так нарисовал портрет молодухи, что она, увидев рисунок, упала в обморок. Потом они появились на сцене в облике двух цыганок и стали приглашать всех желающих узнать своё будущее, а поскольку таковых не находилось, одна из цыганок с ужимками и гримасами вытащила на помост управляющего и посадила его на стул, а вторая тут же стала гадать ему на картах. Вместо обычной дальней дороги, казённого дома и несчастной любви гадалка, скорчив удивлённую физиономию, сказала, что красавчик, сидящий перед своими односельчанами, – мошенник, что он обворовывает свою хозяйку и тискает всех деревенских девок, но скоро путь ему преградит туз пик. Он уже приехал под видом шестёрки бубен и в самом ближайшем будущем оторвёт управляющему причинное место. Услышав этот приговор, управляющий хотел ударить гадалку, но она ловко увернулась. Управляющий выругался и под хохот толпы ушёл от цыганок.

Дождавшись конца выступления, Алёна подошла к артистам и сказала гадалке:

– Здравствуйте, Олег Венедиктович.

Не в состоянии скрыть удивления, Олег покачал головой:

– Ты ошиблась, красавица.

– Нет, не ошиблась. Я бы узнала вас в любом гриме. Ведь у меня есть ваша фотография.

Олег внимательно посмотрел на девушку. Она сильно изменилась, но так же, как и раньше, не могла скрыть своих чувств. Он улыбнулся и попросил, чтобы она ничего не говорила матери, а он, как и обещал, завтра утром приедет в имение.

Когда Алёна ушла, он всё время вспоминал её влюблённый взгляд и, почувствовав, что в имении его ожидает лёгкая победа, собрал свои пожитки и в тот же вечер отправился в путь.

Войдя в дом, он услышал звуки борьбы, доносившиеся из дальнего угла. Это управляющий пытался изнасиловать Алёну. Олег в два прыжка подбежал к нему и стал его безжалостно бить. Неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы на шум не вышла барыня.

Олег прожил у неё несколько дней и уехал в город, а вскоре Алёна сказала хозяйке, что беременна. Лидию Аверьяновну это не удивило. Она сразу поняла, к чему приведёт заступничество Олега, и в глубине души была даже рада этому: она давно хотела внуков.

Управляющий, оставшись без работы, стал всем говорить, что Алёна связалась с заезжим клоуном. В деревне знали правду, но молодой барин в имении не показывался, а быв-

ший управляющий так часто и так настойчиво повторял свою ложь, что ему удалось убедить односельчан. Вскоре он ушёл в банду, орудовавшую в окрестностях Богородска, и больше его никто не видел.

Олег быстро забыл свой мимолётный роман, и только когда княгиня написала, что у него родилась дочь, решил посмотреть на ребёнка. Он доехал до Богородска на поезде, оттуда взял бричку и всё время подгонял кучера. В конце концов, лошади понесли, бричка перевернулась, и Олег разбился насмерть. Он даже не успел узнать, что дочь его назвали Евдокией.

Похоронив Олега, Лидия Аверьяновна резко постарела. Чувствуя, что долго не проживёт, она отдала Алёне коллекцию фамильных драгоценностей, взяв с неё слово, что кольцо с изумрудом она подарит своей дочери на свадьбу. Алёна понимала, что такой подарок будет поводом для пересудов, и, чтобы они не возникли раньше времени, сама никогда не надевала украшения, а после смерти княгини закопала их на её могиле.

* * *

После Второй мировой войны мужиков в деревне почти не осталось, и когда Евдокия решила выйти замуж за сына управляющего – Тихона, Алёна не стала её отговаривать, но жить в своём доме молодым не позволила. Они поселились в заброшенной избе на краю деревни. На свадьбу Алёна подарила своей дочери кольцо, и по деревне поползли са-

мые невероятные слухи. Говорили, что у Алёны есть целый сундук с бриллиантами, которые она украла у княгини. Нашлись энтузиасты, которые несколько раз под разными предложениями обыскивали её дом, но, ничего не обнаружив, оставили Алёну в покое.

Через год у молодых родился сын Володя, и Алёна, взяв из своего наследства серьги, отвезла их к Лазарю. Ювелир, посмотрев их, сказал, что это слишком дорогое украшение, продать его будет непросто, и ему потребуется некоторое время, чтобы найти покупателя. Когда сделка состоялась, он написал Алёне, и она приехала в город. Вручая ей деньги, он попросил впредь не подвергать его искушению.

– Сколько ты хочешь за свою честность? – спросила Алёна.

– Средние комиссионные при таких операциях составляют пятнадцать процентов.

Она дала ему семнадцать, а остальное положила на несколько сберкнижек и оставила их у Лазаря. Он не очень хотел хранить их у себя, но человек, купивший серьги, сказал что они – часть коллекции князей Долгоруковых, и если вдруг появятся остальные предметы, с удовольствием их приобретёт. Лазарь прикинул, сколько составят семнадцать процентов от возможной суммы, и решил от хранения сберкнижек не отказываться.

Через несколько лет после рождения сына Тихон завёл passion, которая пристрастила его к самогону. Однажды по

пьянке он продал кольцо с изумрудом. Проспавшись, он хотел выкупить свадебный подарок жены, но собутыльник, выторговавший у него кольцо за бесценок, сказал, что если он действительно хочет заработать, пусть потрясёт свою тещу, у неё наверняка есть и другие брюлики. Тихон пытался поговорить с Алёной, но она прогнала его из дому. С тех пор он стал всем жаловаться, что теща поломала ему жизнь. Запой его сделались чаще и стали сопровождаться драками. В такие моменты Евдокия старалась выпроводить Володю из дома. Если это удавалось, он пережидал у бабушки, если нет – делил побои наравне с матерью. Он с раннего детства мечтал о том дне, когда сможет дать отпор отцу. Рискнул он это сделать в четырнадцать лет. Тихон тогда вернулся домой смертельно пьяный и пытался поймать жену, чтобы выместить на ней свою злость. Володя схватил полено и, трясаясь от страха, заорал:

– Тронешь мать, убью.

– Молчать, сучий выкормыш, – икая, ответил отец.

– Это ты сучий выкормыш, – крикнул Володя, наступая, – а я потомок русского князя!

Тихон остановился и, казалось, даже чуть протрезвел от такого заявления, а потом начал истерически хохотать.

– Дур-р-рак! Бабке своей поверил, шлюхе малахольной. Ты вместо того чтобы её слушать, лучше бы узнал, где она брюлики прячет. Она хочет их с собой в могилу взять, сука старая. Да я из-за неё и пить начал. Да если бы не она,

я бы человеком был, я вон во время войны до сержанта дослужился, а были бы у меня деньги – я бы в город поехал, в институте-университете выучился, начальником бы работал, меня бы личный шофёр возил, я бы вообще... я бы... – он сел на табурет, обхватил голову обеими руками и заплакал.

В следующий раз, когда он вернулся домой пьяный и вновь попытался избить мать, Володя изо всей силы ударил его поленом. Отец потерял сознание. Володя связал его, заткнул рот кляпом и в течение нескольких дней жестоко бил, а в понедельник утром развязал. Тихон был совершенно обесиленный, ужасно себя чувствовал и всё ещё хотел опохмелиться. Он с трудом встал и ушёл на работу, но так там и не появился. Не вернулся он и домой, а через неделю его нашли замёрзшим около самогонного аппарата, который стоял в лесу и которым по мере необходимости пользовалась вся деревня. После этого Алёна вновь поехала в Москву и в каждую сберкнижку в качестве второго владельца вписала своего внука, а когда он закончил школу и собрался поступать в театральное училище, сказала, что оставила для него деньги у Лазаря.

Володя прекрасно знал ювелира, который каждое лето жил у бабушки Алёны со своим внуком Додиком. Именно им Володя впервые стал показывать свои сценки-пародии на односельчан. Имитируя их поведение, он так точно передавал голос, интонацию и жесты, что легко можно было узнать каждого. Дед Лазарь посоветовал ему поступать в театраль-

ное училище и даже привёз несколько книг с биографиями великих артистов. Это поощрение вдохновило Муханова, и при каждом удобном случае он разыгрывал миниатюры собственного сочинения. Однажды он изобразил цыганку, которая предлагала погадать на картах. Среди зрителей в тот день оказалась и его бабушка. Она так расчувствовалась, что в конце представления даже заплакала, безуспешно пытаясь скрыть свои слёзы.

Приехав в Москву, Володя пришёл к ювелиру. Тот вручил ему сберкнижки и сказал:

– Можешь взять их все сразу, а можешь брать по одной, так, чтобы твои друзья не знали, сколько у тебя денег.

– По одной, – тут же решил Володя и подумал, что скорее доверил бы деньги этому ювелиру, чем своему отцу.

* * *

После летней сессии Боря с Володей поехали в студенческий лагерь.

Руководителем лагеря был полковник Сергей Никитич Кочерга. В первый же день он собрал всех отдыхающих и сказал, что, в отличие от гражданского толкования демократии, когда каждый делает, что хочет, под его руководством в лагере будет демократия военная. Это означает, что он будет приказывать, а все будут соглашаться. Каждый отдыхающий должен, по крайней мере, один раз отработать на общественно-полезных работах, сокращённо ОПР, а чтобы всё ограничилось только одним разом, надо строго выполнять

внутренний распорядок, так как за нарушение дисциплины можно получить наряд вне очереди. Утром все должны выходить на линейку, а после отбоя быть в палатках. Ночью из палатки можно отлучаться только в туалет. Каждый студент должен выбрать спортивную секцию, ежедневно повышать своё мастерство и в составе одной из пяти команд принимать участие в соревнованиях по различным видам спорта. Капитаны команд составят график дежурств в столовой, которую, по мере надобности, они будут переоборудовать в клуб и готовить для различных культурных мероприятий. В лагере будет работать танцевальная студия под руководством артистки театра музыкальной комедии Гали Кореновой. Она же поможет желающим организовать концерт художественной самодеятельности. Он лишь убедительно просит доморощенных авторов не рифмовать его фамилию со словом карга, потому что это уже давно набило оскомину. Тем же, кто не прислушается к его совету, он это припомнит, когда они будут сдавать Государственный экзамен по военной подготовке. Как они, возможно, знают, этот экзамен состоит из технической и строевой части. Он, естественно, принимает строевую.

Дополнительными культурными мероприятиями являются просмотр художественных фильмов и встреча с юмористом Виктором Савкиным, который сам заканчивал Автодорожный институт и участвовал в студенческой команде КВН, а теперь полностью сменил род деятельности и стал профессиональным писателем.

Затем полковник представил своих коллег, а когда назвал имя Гали Кореновой, она выступила вперёд и сказала:

– Я приглашаю в свою студию всех желающих и гарантирую, что через две недели они овладеют азами мастерства настолько, что впоследствии самостоятельно смогут разучить любой незнакомый танец. Вот смотрите, – она подошла к полковнику и сделала с ним несколько кругов вальса. Ко всеобщему удивлению, начальник лагеря неплохо танцевал, и, хотя Галя наверняка договорилась с ним заранее, их выступление выглядело весьма эффектно, – а ведь Сергей Никитич почти не занимался танцами, – сказала Галя, когда они закончили, – но если бы он захотел, то через несколько лет упорного труда вполне смог бы участвовать в кордебалете любого провинциального самодеятельного театра в качестве молодого, подающего надежды плясуна.

Галя обладала удивительной пластикой, редким чувством ритма и знала не только бальные, но и современные танцы.

Каждое занятие она начинала с того, что разучивала со всей группой отдельные элементы, потом многократно повторяла их под музыку, а в конце разбивала своих учеников на пары и, выбрав партнёра, танцевала с ним перед остальными. Она всегда находила повод похвалить любого ученика и только потом указывала на его недостатки. Через несколько дней она выбрала своим партнёром Борю и, предложив остальным повторять их движения, сказала:

– Начинаем сначала. Мужчина левой рукой должен взять

правую руку девушки, а правой крепко обнять её за талию. Девушка должна положить левую руку на плечо партнёра.

Пока она говорила, Боря опустил свою правую руку гораздо ниже талии. Галя без тени смущения переложила её обратно и сказала:

– А вот этого делать не надо, чтобы партнёрша не подумала, будто её талия ничем не отличается от нижнего бюста. Надеюсь, что у меня разница чувствуется? – она посмотрела на Бору. Он опять опустил свою правую ладонь и, пошарив ею, утвердительно кивнул.

Затем они показали только что разученный танец, и Галя предложила Борису выступить с ней на концерте, для чего нужно было остаться на дополнительные репетиции. Когда все ушли, она сказала:

– У тебя отличное чувство ритма, но ты держишься неуверенно. Это производит плохое впечатление. Посмотри на Сергея Никитича. Он ведь танцует как кочерга, а ведёт себя как король, поэтому никто не замечает его ошибок. Веди себя так же, докажи, что ты мужчина.

– Я готов.

– Подожди, я сейчас включу музыку.

– Что, прямо здесь и обязательно под музыку?

– Да, но сначала как танцор.

– А потом?

– Потом посмотрим.

Они репетировали около получаса, и, хотя Боря очень ста-

рался, он всё время чувствовал себя ведомым. В конце Галя посоветовала ему попрактиковаться ещё.

– Тихо сам с собою? – спросил он.

– Почему же, вечером будут танцы, там ты сможешь vybrать желающую.

– Я хочу с тобой.

– Очень?

– Очень!

– И что же ты предлагаешь?

– Когда все лягут спать, пойти за околицу, на один из стогов.

– Чудак, эти стога уже по минутам расписаны.

– Можно обойтись и без них.

– Ладно, приходи ко мне после отбоя, только так, чтобы тебя никто не видел.

Когда все уснули, Боря незаметно проскользнул к ней. Галя была его первой женщиной, и немудрено, что и здесь он чувствовал себя ведомым. Вернувшись в свою палатку, он, не раздеваясь, свалился на кровать. Утром соседи пытались его растолкать, но он сквозь сон отбивался, а когда они ушли, опять заснул. Начальник лагеря, возможно, и не заметил бы его отсутствия, но в тот день Боря должен был пройти инструктаж перед дежурством по лагерю. Не увидев его, Кочерга пошёл в палатку и, застав Боря в кровати, дал ему наряд вне очереди. После обеда, когда все Борины друзья отдыхали, он с другими провинившимися должен был закла-

дывать фундамент будущего клуба. Во время ужина Володя Муханов с наигранным сочувствием стал расспрашивать друга, не очень ли он устал, и, выслушав его ругательства, сказал, что у Зощенко есть рассказ, который ему наверняка понравится.

– Про что? – спросил Боря.

– Про кочергу. Мы собирались инсценировать его в театре, так что я помню его наизусть, если хочешь, могу тебе прочитать.

– Давай.

Боре рассказ очень понравился, и весь вечер он переделывал его применительно к своим обстоятельствам. Выплеснув таким образом адреналин, он показал своё произведение Володе и успокоился. Ночь, как и накануне, он провёл у Гали, а утром опять проспал построение и получил очередной наряд. Теперь полковник, уже знавший нарушителей в лицо, сам искал их во время линейки и, не найдя, щедро раздавал наряды. После этого Борис решил зачитать свой опус на концерте.

Он взял книжку, обернул её в блестящую бумагу, чтобы не видно было названия, и вложил свой текст между страницами. Володя пытался его отговорить, но безрезультатно. Выйдя на сцену, Боря стал читать свою фантазию на тему рассказа Зощенко. Со стороны создавалось впечатление, что исполняется произведение из книги. В интерпретации Бори звучало оно так:

«В студенческом лагере злостного нарушителя дисциплины постоянно назначали костровым. Он заметил, что главное его орудие – кочерга – почти насквозь прогорела, и доложил об этом по инстанции. Начальник лагеря, не долго думая, решил заменить испортившийся инвентарь новым и купить несколько дополнительных единиц, но, поскольку он был отставником, то особой грамотностью не отличался и не знал, как правильно сказать: пять кочерёг, пять кочерыг или пять кочерыжек. Промучившись несколько часов, он так и не смог составить предложение из этого существительного с этим числительным и, чтобы упростить задачу, в заявке на покупку нового оборудования написал, что лагерю требуются три кочерги и ещё две. Узнав об этом, студент-нарушитель сказал, что им в лагере хватает и одной кочерги, ведь она у них такая важная, что они едят её с большой буквы, а произнося, вытягиваются по стойке смирно».

Номер был встречен бурными овациями, тем более что подавляющее большинство не читало Зощенко. Пожалуй, кроме Володи Муханова и Бори, был лишь один человек, который знал этот рассказ очень хорошо – начальник лагеря Сергей Никитич Кочерга. Во время обучения в военной академии товарищи так часто цитировали ему Зощенко, что он выучил рассказ почти наизусть, и, когда Боря уже собирался уйти со сцены, полковник объявил:

- За перевирание классики – наряд вне очереди.
- Сергей Никитич, это же художественная самодеятель-

ность, так сказать – свободное творчество и фантазия на тему.

– Вот на стройке ты и будешь фантазировать на тему. Физический труд очень этому способствует, а за пререкание со старшими ещё один наряд вне очереди.

– Не имеете права, по уставу не положено.

– Ты будешь продолжать спорить?

– Никак нет.

Все восприняли их диалог как продолжение номера. Иногда по предварительной договорённости с преподавателями ребята проделывали такие штуки. Они особенно нравились своей неожиданностью, но в данном случае это действительно был экспромт. После него Боря до конца смены почти каждый день работал на стройке и за время летнего отдыха узнал, как кладут фундамент, мешают цемент и штукатурят стены. Вместе с другими штрафниками он проклинал строящийся клуб такими отборными ругательствами, что здание наверняка было покрыто толстым слоем мата. Путёвку на следующую смену Боря брать не стал, но, зная, что Галя остаётся в лагере на пересменку, решил её навестить.

Приехал он поздно вечером и по дороге с трудом сдерживался, чтобы не побежать. Подойдя к лагерю, он заметил, что света в её домике нет, и решил подождать, пока она вернётся. Через некоторое время он увидел, что оттуда вышел начальник лагеря.

Боря вспомнил, что после того как Кочерга отправил свою

жену Кочергиню домой, Галя, сославшись на «навигацию», отменила их ночные встречи. Да и во время вводной лекции полковника она вела себя слишком уж непринуждённо. Боря не был в неё влюблён, но ему было неприятно сознавать, что он лишь выполнял роль дублёра. Наверное, если бы он зашёл к ней, она бы ему не отказала, но у него почему-то пропало всякое желание, и он поехал домой.

* * *

Вернувшись, он позвонил Саше, и тот сразу нашёл ему дело. Сам он в начале первого курса записался в кружок автолюбителей и, сделав с руководителем дизайн будущей машины, стал собирать для неё детали. Кое-что он делал сам в мастерской института, но большую часть находил на свалках или приобретал за бесценок у автолюбителей, побывавших в аварии и потерявших надежду восстановить свою машину.

Он и после летней сессии остался в Москве, для того чтобы закончить свой грандиозный проект. Помощь друга оказалась весьма кстати, потому что он хотел ещё до начала учебного года получить разрешение ГАИ и покатать ребят на собственном авто. Однако осуществить этот план Саше не удалось, а первого сентября студентам объявили, что они должны ехать на картошку, и дали на сборы один день.

Когда они сели в автобус, Боря увидел Елену Фёдоровну Крылову и обрадовался. Она провела у них два семинара по математике, заменяя основного преподавателя, и на первой же перемене ребята стали обсуждать, сколько ей лет. Девуш-

ки с некоторой ревностью присоединились к дискуссии, и, в конце концов, решили, что ей не больше двадцати семи. Им очень нравилась её демократическая манера вести занятия, но как только Володя Муханов попытался перейти невидимую границу двусмысленной шуткой, она одной лишь затянувшейся паузой поставила его на место. Высокая, с королевской осанкой и прекрасной фигурой, она очень нравилась Боре. Конечно, в какой-нибудь Франции её сочли бы полной, но на его российский вкус она была в самый раз. Он жалел лишь, что их отношения ограничивались встречами в коридорах института. Но колхоз – это совсем другое дело. Это свобода, которая начиналась с момента посадки в автобус. Руководитель лагеря, полковник Кочерга, очень хорошо понимал это, и как только они прибыли на место, заставил ребят расставлять мебель, а девушек убирать помещения. Он как будто задался целью уморить их работой. По собственному опыту он знал, что если у молодых людей есть силы, то ночью они ему покоя не дадут. Он и сам был таким в военной академии.

К вечеру пионерский лагерь принял вполне жилой вид, но полковнику этого показалось мало. Он назначил бригаду добровольцев, которая должна была часть столовой превратить в сцену, подключить освещение и настроить музыкальные инструменты. Боря ворчал, так же, как и остальные, однако Сергей Никитич, не обращая внимания на хмурые физиономии студентов, зычно командовал, куда что подвинуть

и что к чему прибить.

На следующее утро всех разделили на несколько больших групп, и каждая выехала на своё поле. Руководителем Бориной бригады оказалась Елена Фёдоровна Крылова, а отправили их на самую нудную работу – сбор картофеля. Крылова пересчитала грядки, а когда все разбились на пары, сказала:

– Начинайте, ребята, но помните, что вам здесь жить ещё три недели, так что хорошо рассчитайте силы и глубже, чем на метр, не копайте.

Она хотела поднять настроение подопечных, которые были обеспокоены плохой погодой. Низкие серые тучи грозили в любую минуту разразиться дождём, а поскольку теплушки ещё не привезли, то все могли в первый же день вымокнуть до нитки.

Через час Крылова объявила первый перерыв и, когда студенты закурили, спросила, знают ли они что-нибудь о ближайших окрестностях.

Колхоз находился недалеко от Можайска, и они назвали Бородино, но кроме того, что это связано с решающей битвой войны 1812 года, никто ничего вспомнить не мог. Тогда Крылова стала рассказывать сама. Начала она с наиболее ярких моментов биографии известных военачальников, украшая эти биографии пикантными подробностями. Это сразу же приковало всеобщее внимание. Вскоре вокруг неё собралась вся группа, а она начертила план расположения войск и стрелками показывала маневры противников во время бит-

вы. Студенты уже забыли о надвигающемся дожде, сопереживая с ней события 150-летней давности. Рассказывала она со знанием дела, оставаясь преподавателем даже в поле, хотя здесь, в рабочей одежде, все выглядели как близнецы. Во время следующего перерыва студенты, не сговариваясь, собрались вокруг неё, и она продолжила рассказ. В последующие дни она перешла к декабристам, а от них – к царской фамилии. Тогда это была тема если и не запрещённая, то уж, во всяком случае, не очень хорошо известная. Студенты слушали её, раскрыв рты, и ей приятно было рассказывать такой благодарной публике. Во время одного из перерывов к ним незаметно подошёл начальник лагеря. Полковник остановился за спиной у Крыловой и слушал с явным интересом, а когда она закончила, сказал:

– Елена Фёдоровна, вы обязательно должны устроить лекцию. Польза от этого будет огромная. Мы можем и местных пригласить. Проведём, так сказать, культурно-просветительную работу среди аборигенов. В наших общих интересах хорошо организовать досуг, а я, как руководитель, сделаю всё от меня зависящее. Я ведь привёз из института музыкальные инструменты, взял кинопроектор и договорился, чтобы мне два раза в неделю давали новые фильмы, но ваша лекция гораздо интереснее.

- Вы мне льстите, товарищ полковник.
- Сергей Никитич, – поправил он.
- Сергей Никитич.

– Нет, Елена Фёдоровна, я говорю правду. – Он, улыбаясь, смотрел на неё. Опытный дамский угодник, он действовал прямой атакой, используя самое древнее оружие – лесть. Говорили, что он не пропускал ни одной юбки, какое бы тело эта юбка ни прикрывала.

– Лекция требует большой подготовки, – сказала Крылова.

– Сейчас ведь вы не готовились, а получилось очень хорошо. Просто здорово. Подумайте, Елена Фёдоровна.

– Хорошо, подумаю.

На следующий день перед началом танцев полковник сказал, чтобы ребята побыстрее раскачивались, а то к моменту, когда они проснутся, вечер уже закончится. Затем, показывая пример, он сам пригласил нескольких преподавательниц. Увидев это, одна из студенток вытащила его на ритмичный танец, и он, пародируя своих подопечных, начал так забавно дёргаться, что вызвал всеобщее веселье.

Поздно вечером пришли местные. Были они под хорошим градусом, но вели себя тихо. Осмотревшись, они стали танцевать и, поскольку прошли хорошую тренировку в соседнем доме отдыха, делали это не хуже своих сверстников из города. Один из них пригласил Елену Фёдоровну, не разглядев в полутёмном зале, что это преподаватель. Она посоветовала ему выбрать кого-нибудь помоложе. Он увидел, что ошибся, но отступить не собирался.

– А я хочу с вами, – настаивал он, – что вы имеете против?

– Ничего, просто я устала.

– Но вы ведь танцевали со своими, чем я хуже?!

– Я не говорю, что ты хуже, ты даже лучше. Поэтому я и предлагаю тебе выбрать более подходящую партнёршу, – ответила Крылова и отвернулась, показывая, что разговор окончен.

– В таком возрасте, а всё из себя целку строит, – процедил он сквозь зубы. За секунду до этого музыка кончилась, и его реплику услышали окружающие. Боря подскочил к нему и сказал:

– Извинись.

Магнитофон опять заиграл, и парень зло прошипел:

– Тебя не спросили.

Он был немного выше Бори, более крупного сложения и держался как заводила. Он не мог себе позволить второго фиаско подряд, и когда Боря повторил своё требование, парень придвинулся к нему и сказал:

– А ну вали отсюда, пока я тебя по стенке не размазал. Боря не шелохнулся, пытаясь сосредоточиться и вспомнить свои тренировки с чучелом. Его поведение взбесило парня, но за мгновение до того, как он привёл свою угрозу в исполнение, Боря повторил серию, которую так тщательно репетировал три года назад. Прошла она не очень гладко, но желаемый результат был достигнут, и забияка оказался на полу. Сразу же после этого к ним подошёл полковник и стал громко отчитывать Бориса за хулиганское поведение, но Бо-

ря почувствовал, что Кочерга одобряет его действия.

– Товарищ полковник, это была самооборона, – сказал Боря.

– Молчать, когда с тобой старшие разговаривают. А вы, – он обратился к местным, – уходите, пока я не позвонил участковому.

Угроза подействовала. Местные хорошо знали, что участковый церемониться не будет. Из всех правил коммунистического воспитания деревенский детектив особенно хорошо знал одно: когда бьют по заднице, доходит до головы, а поскольку особой точностью ударов он не отличался, то во время его дисциплинарных взысканий провинившиеся на себе чувствовали всю убедительность его аргументов. Жаловаться на него было бесполезно. Районное руководство относилось с пониманием к его способам борьбы с нарушителями, и ребята не хотели лишний раз проверять эти способы на себе.

На следующий день на картофельном поле Боря оказался без напарника, и ему пришлось начать работу одному. Он мог бы попроситься на погрузку. Это было не так нудно и вполне заменило бы тренировку, но тогда он работал бы на отшибе и пропустил бы рассказы Елены Фёдоровны. Вскоре она подошла к нему и спросила, не нужен ли ему помощник.

– Конечно, – ответил он.

– Примешь меня в свою бригаду?

– С удовольствием.

Они начали собирать картошку, и после нескольких ниче-

го не значащих фраз Боря сказал, что у неё явно выраженный талант рассказчика и спросил, не передались ли ей литературные способности Ивана Андреевича.

Крылова промолчала.

– А действительно, кем вам приходится Крылов?– спросил Боря.

– Мужем,– ответила она,– зовут его Эдуард Платонович, и к баснописцу он не имеет никакого отношения.

– А как ваша девичья фамилия?

– Волконская.

– Я так и думал.

– Почему?

«По вашему поведению, интеллекту и осанке»,– хотел сказать он, но это выглядело бы слишком напыщенно, и он только пожал плечами.

– Почему? – повторила она.

– Я чувствую представителей голубых кровей.

– Как?

– Вот посмотрю на человека и чувствую.

– И что же ты чувствуешь, глядя на меня?

– Что у вас в роду были очень достойные люди.

– Конечно, были.

– Расскажите, Елена Фёдоровна.

– Это семейные предания, и я не знаю, насколько они соответствуют действительности.

– Тем более.

– Как-нибудь в следующий раз.

– Расскажите, – повторил он тоном, которым маленькие дети просят конфеты.

Она, не улыбаясь, посмотрела на него и сказала:

– У меня предки были самые разные.

– Тем более, Елена Фёдоровна! Тем более, – уже серьёзно сказал он, – и если вы считаете, что про их жизнь никто кроме родственников знать не должен, я даю вам слово молчать как рыба. Торжественно клянусь, – он поднял правую руку.

Крылова ничего не ответила, и несколько минут они работали молча.

Боря терпеливо ждал, и она начала рассказывать.

– У меня в роду был офицер, который перешёл на сторону большевиков. Он разделял идею равенства и братства и активно помогал новой власти, но во время войны его объявили врагом народа и арестовали. На воле остались жена и дочь. Их не взяли, потому что одна была слишком маленькой, а вторая очень больной. Жена уже умирала, но с ней произошла поразительная метаморфоза. Почувствовав ответственность за судьбу ребёнка, она силой воли отсрочила смерть и занялась воспитанием девочки. Только когда дочь кончила институт, она позволила себе отойти в лучший мир.

– А замуж вы вышли до её смерти?

– Да, она меня и сосватала. Крыловы были её друзьями, но им повезло гораздо больше, они остались живы, а мой тесть даже стал академиком.

– Это по его учебнику мы занимаемся?

– Да, – сказала она и замолчала, видно, жалея о своей откровенности. Боря подумал, что в ответ должен рассказать что-нибудь о своих предках, но поскольку он толком о них ничего не знал, то стал врать, что является дальним родственником любавического раввина.

– Тогда твоя фамилия должна быть Шнеерсон, – сказала Елена Фёдоровна.

– По женской линии она такая и есть, – не моргнув глазом, снова соврал он, но, чтобы не попасть впросак, стал лихорадочно думать, как перевести разговор на другую тему. В этот момент он заметил группу местных ребят, которые остановились недалеко от них и что-то обсуждали. Боря прервал разговор на полуслове.

Одно дело меряться силами, когда вокруг все свои, и совсем другое – в чистом поле. Ребята были абсолютно трезвые, но он не знал, что у них на уме. Поножовщина здесь была обычным явлением, а Боря совсем не хотел оказаться жертвой своего рыцарского поведения. Он с опаской наблюдал за местными, прикидывая, что можно использовать для обороны. Лопатой удержать четырёх человек было невозможно. От группы отделился его вчерашний противник, и Борис испытал очень неприятное чувство. С деланным безразличием он опёрся на лопату, но держал её так, что мог при необходимости быстро ею воспользоваться. Парень подошёл и извинился перед Еленой Фёдоровной. Она молча кивнула,

но он не уходил.

– Говори, – сказала она, – я слушаю.

– Ребята просили узнать, можно ли нам в следующий раз прийти на танцы.

– Если вы будете в нормальном состоянии, то можно, – ответила она, – а ещё передай им, что в субботу перед танцами у нас будет лекция о Бородино. Ты знаешь, что там было?

– Да, там наши с французами дрались, – сказал он.

Когда парень ушёл, Боря сказал:

– Непостоянная вы женщина, Елена Фёдоровна. Вы же сказали Кочерге, что лекцию устраивать не будете.

– Знаешь, Боря, мне жалко молодых людей, которые живут в деревне. Те, кто похитрее, давно уже сбежали отсюда, особенно девушки. Общаться им не с кем, книги читать они не привыкли, всё время в телевизор смотреть скучно. Они бы, наверное, работали в собственном хозяйстве, но этого их лишили, а батрачить на государство они не хотят. Для них даже драка – и то событие. Набьют друг другу физиономию, а потом вспоминают об этом целый год. Жалко их, – повторила она.

«Удивительная женщина», – подумал Боря. Он ездил в колхоз каждый год, но относился к этому как к плате за привилегию жить в Москве и всегда хотел лишь побыстрее отработать свою трудовую повинность.

– Ну что ты на меня так смотришь? Или считаешь, что я не права?

– Вы абсолютно правы, просто я никогда не задумывался над этим, – сказал он и хотел добавить, что у неё благородная душа и чуткое сердце, но это выглядело бы слишком высокопарно, и он промолчал.

– Твоё счастье, что не задумывался. Так и продолжай. Жить легче. А я вот иногда задумываюсь и только расстраиваюсь.

Они проговорили весь день и, когда возвращались, почувствовали, что их взаимный интерес стал обращать на себя внимание окружающих. Чтобы это не бросалось в глаза, на следующее утро Боря попросился на погрузку, и начальник лагеря тут же удовлетворил его желание. Боря испытал какое-то непонятное чувство. С одной стороны, он был рад, что на корню обрубил все возможные домыслы однокурсников, а с другой – испытал странную пустоту.

На следующий день, когда грузчики уже проработали часа два, к ним подъехала милицейская машина. Из неё вышел небритый тип неопределённого возраста. Участковый, сопровождавший его, сказал, что это пятнадцатисуточник. Он совершенно безопасен, в прошлом он был школьным учителем, а теперь спился и попадает к ним, когда жена выгоняет его из дома. Зовут его Петрович.

– Здорово, каторжники, – приветствовал он ребят.

– Мы студенты, это ты каторжник, – ответил Боря. Он хотел сразу поставить небритого на место.

– Это как посмотреть, – возразил тот, – у меня восьмича-

совой рабочий день с перерывом на обед. Денег, конечно, мне не платят, но и ты здесь миллионером не станешь. К тому же, если я захочу, то в любой момент могу плюнуть на всё, и никто мне ничего не сделает. Я ведь и приехал сюда добровольно, потому что мне скучно одному в кутузке сидеть. Еды меня всё равно не лишат, крыши над головой тоже. Вон и начальник тебе подтвердит, – добавил он, кивая в сторону участкового.

– Умный ты чересчур, Петрович, – сказал тот, садясь в машину, – кончай трепаться и делай, что тебе говорят. Вечером я за тобой приеду.

– Вот видишь, – удовлетворённо сказал небритый, – после работы меня на персональной машине доставят в отапливаемое помещение. А у тебя рабочий день десять часов, платят тебе шиш с вычетом за бездетность, плюнуть на работу ты не можешь, потому что тебя из института попрут. Питаешься ты, может быть, и лучше меня, но живёшь в пионерском лагере, в комнате с двадцатью соседями. Так что ты – каторжник, – заключил бывший учитель.

– Откуда ты знаешь, где я живу?

– Да к нам такие гаврики каждый год приезжают! Вероятно, он продолжал бы свои разглагольствования, но в это время подъехала машина, и они начали погрузку. Кидать мешки ребятам нравилось гораздо больше, чем ковыряться в земле, а для Бори эта работа вполне заменяла тренировку, но ему уже хотелось обратно в поле.

Через два дня начальник лагеря вернул его на сбор картошки, потому что слишком много было желающих грузить. Боря стал опять работать с Еленой Фёдоровной и перед отъездом в Москву попросил у неё телефон, но она, покачав головой, сказала:

– Это всё равно ни к чему не приведёт.

Боря и сам понимал, что шансов у него нет, она – представитель древнего дворянского рода и, несмотря на очевидную симпатию, в самом лучшем случае относится к нему как старшая сестра. Он тоже должен был бы относиться к ней как брат, но по ночам его беспокоили сны, в которых она играла совсем другую роль...

Когда начались занятия, Боря проследил за Крыловой и несколько раз как бы невзначай оказывался вместе с ней в трамвае. Они непринуждённо беседовали, но все его попытки встретиться с ней в более подходящем месте оказывались безрезультатными. Сталкиваясь в институте, они продолжали приветливо здороваться и улыбаться друг другу.

А через полгода они встретились в Свердловске. Елена Фёдоровна привезла туда институтскую команду для участия в математической олимпиаде, а Боря приехал на сборы по карате. До недавнего времени он вообще не знал о существовании этого вида спорта, но после того как новый преподаватель физкультуры повесил объявление, приглашавшее всех желающих на тренировки, Боря решил посмотреть, что это такое. На первых занятиях он показал, что неплохо вла-

деет элементарными приёмами, и его вместе с более опытными спортсменами взяли на сборы.

Столкнувшись в фойе свердловской гостиницы, они сначала удивились, а потом обрадовались, и Боря пригласил Крылову в ресторан. Он ни на что не надеялся и поэтому чувствовал себя совершенно раскованно. Беседа текла легко, музыка им не очень мешала, и они прекрасно провели время. Он несколько раз танцевал с ней и каждый раз прижимал её всё сильнее. Она не сопротивлялась, и во время последнего танца Борю захлестнуло желание. Оно было настолько сильным, что в какой-то момент он сбился с ритма и чуть не наступил ей на ногу, а когда они сели, сказал:

– Извините, Елена Фёдоровна, моя вина. Я ведь в танцевальном смысле совершенный неуч. Ещё в школе я попросил одну одноклассницу взять надо мной шефство. Она не могла мне отказать, потому что я занимался с ней физикой, и мы оба пытались обучить друг друга тому, к чему не имели ни малейших способностей. На выпускном вечере, наблюдая за мной, она сказала, что я танцую с грацией молодого медвежонка.

– Ну, Боря, ты сделал большой шаг вперёд. Теперь ты танцуешь с грацией зрелого медведя.

– Так научите меня, я сделаю всё, что вы скажете.

– Всё? – улыбнулась она.

– Конечно.

– Тогда пойдём ко мне.

Боря подумал, что ослышался. Он посмотрел на неё и увидел всё, на что не мог рассчитывать даже в самых смелых мечтах. Ему стоило огромного труда тут же не наброситься на неё с объятиями и поцелуями. Он с трудом донёс своё нетерпение до её комнаты, но там всё закончилось так быстро, что оба почувствовали некоторое разочарование. Однако за первой волной последовала вторая, а потом третья, и каждая следующая доставляла им всё большее наслаждение. Они не могли насытиться друг другом. Под утро, когда ему уже надо было уходить, Лена сказала:

– Боря, а я ведь заметила тебя, когда ты был ещё на первом курсе. Ты мне сразу понравился.

– Что же вы тогда мне ничего не сказали, Елена Фёдоровна? Мы из-за вас полтора года потеряли! – воскликнул он с такой досадой, что она рассмеялась.

– Тогда ты был ещё слишком молод, да и у меня с мужем были нормальные отношения.

– Вы потрясающая женщина. Вы для меня как вода для заблудшего в пустыне, – пробормотал он первую пришедшую на ум глупость.

– И давно ты блуждаешь без воды?

– Нет, но из такого вкусного источника пью впервые.

– Ты можешь называть меня по имени, – сказала она, – а сейчас иди, уже поздно.

Отдохнуть Боря не успел и на соревнованиях показал себя из рук вон плохо. В последующие дни он действовал ещё

хуже, и после возвращения в Москву его отчислили из секции, но это для него не имело значения. Он почувствовал, что вступил в новый этап жизни.

Его мать сразу же увидела эту перемену, но спрашивать ничего не стала. Очень скоро он сам рассказал ей о Лене, о том, что она замужем, что у неё нет детей, а муж имеет пассию где-то в Воронеже и часто уезжает туда в длительные командировки, что пока его нет, Лена вынуждена прогуливать их приёмного сынишку – маленького лохматого и хвостатого двортерьера, что только это и напоминает ей об отсутствии супруга, так как в физиологическом смысле они уже давно развелись. Собаку же они купили, когда поняли, что у них не будет детей. Пёсик скрашивал их одиночество и поначалу очень связывал: каждый раз, когда назревала ссора, он недовольно рычал, и им поневоле приходилось сдерживать эмоции. Теперь они уже так редко разговаривают, что почти и не ссорятся.

Софья Борисовна внимательно слушала Борю. Она прекрасно понимала, как играли гормоны у сына, и считала, что чистенькая замужняя женщина, у которой не всё гладко в семейной жизни, является наилучшим решением его сексуальных проблем, а из-за разницы в возрасте вряд ли она будет претендовать на его свободу.

Через несколько дней муж Лены уехал в Воронеж, и Боря переселился к ней. Тогда он понял, почему первый месяц совместной жизни называют медовым. Лена для него была

гораздо слаще мёда. Она воспринимала происходящее менее эмоционально, но отвечала на все его желания. Когда её муж вернулся, Боря стал думать, где можно продолжить встречи, и первое, что пришло ему на ум, – жениться. Посчитав свою идею гениальной, он поделился ею с Леной.

– А на что ты будешь семью содержать? – спросила она.

– Работать пойду.

– Много ты не зарабатываешь, а я привыкла жить хорошо.

– Я буду работать на двух работах.

– А учиться когда же?

– Я перейду на вечернее отделение.

– Тогда тебя заберут в армию.

– Но ты же меня подождёшь?

– А ты?

– Что я?

– Захочешь ли ты вернуться ко мне, когда отслужишь?

– Леночка, я тебя люблю, я хочу на тебе жениться.

– А где ты жить собираешься?

– Ну...

– Вот видишь, а я не уверена, что Эдик оставит квартиру мне. Может, он захочет её разменять.

– Ты же говорила, что его приглашали в Воронеж на должность директора завода.

– Да, но за один день это не делается. Собственно, поэтому он меня и просил подождать с разводом, ведь любому руководителю в нашей стране положено иметь семью.

– Сколько это может продолжаться?

– Полгода, год. Не знаю, так что пока ты найди себе девушку.

– Не шути так, Лена.

– Боря, ты мне очень нравишься, но я старше тебя на восемь лет и не хочу, чтобы в один прекрасный день меня приняли за твою маму. Ещё через десять лет ты будешь в самом расцвете, а мне будет... даже страшно подумать, сколько мне будет лет, и как я буду выглядеть.

– А ты не думай. Всё может так измениться, что в один прегадкий день тебя примут за мою дочку.

– Спасибо за комплимент, Боренька, но как бы хорошо я к тебе ни относилась, не думать я не могу.

– В этом твоё несчастье. Я еврей и ни о чём не думаю, а ты русская и всё время думаешь, взвешиваешь и оцениваешь. Это ошибка природы, она должна была всё сделать наоборот.

– То есть создать меня на восемь лет позже, чем тебя?

– Хотя бы, – сказал Боря.

– Тогда я бы ни минуты не думала. А так я всё-таки советую тебе обратить внимание на своих сокурсниц.

– Никто из них не может даже сравниться с тобой.

– А ты сравнивал?

– Да.

– Значит, не повезло, – сказала Лена.

– Давай в следующий раз встретимся у меня.

– Как ты себе это представляешь?

– Пока не знаю. Я поговорю с мамой.

Боря не очень надеялся на успех переговоров, но Софья Борисовна согласилась освободить ему квартиру по первому требованию, она лишь хотела познакомиться с Леной. Он пытался было возражать, но мать твёрдо стояла на своём. Они условились, что Боря пригласит Елену Фёдоровну на обед, после которого родители пойдут в кино. Потом они позвонят и, если он снимет трубку, вернутся, если нет, то прогуляют ещё немного. До встречи он должен будет убрать дом так, чтобы всё блестело, ведь не могут же они выглядеть перед Волконской грязнулями и неряхами.

– Мама, ты посмотри вокруг, какие мы неряхи? У нас и так всё сверкает, – чуть не плача сказал он, зная, что теперь мать возьмёт реванш за все те случаи, когда он оставлял наведение порядка ей.

Перед решающим днём Боря немного волновался, но знакомство прошло легко. Его родители и Лена так понравились друг другу, что через несколько минут общались как старые друзья, и он с некоторой ревностью наблюдал за ними. Родители не спешили уходить и, похоже, с удовольствием остались бы дома, но он жестами и мимикой постоянно напоминал им, что не нуждается в их присутствии.

Поздно вечером, когда, проводив Лену, он вернулся домой, они в один голос одобрили его выбор. Они прониклись к Лене искренней симпатией и стали принимать её как лучшую подружку, а если она приезжала в выходные, то Софья

Борисовна встречала её полным обедом. Боря был не против этой торжественности, лишь напоминая родителям, чтобы они не очень засиживались.

Когда Боря сдал последний экзамен, Лена сказала, что на всё лето едет в Китай для лечения от бесплодия. Её муж надеется таким образом восстановить семью. Она не очень верит в это, но хочет попытаться.

Несостоявшийся мезальянс

К окончанию второго курса Саша, наконец, собрал свою машину, а уже через месяц она получила диплом на ВДНХ. Теперь оставалось самое главное: официально её зарегистрировать. Для этого нужно было встретиться с начальником Московского ГАИ Саркумовым, но просто прийти в его кабинет и просить о разрешении было недостаточно, и Саша сделал всё, чтобы машина генералу понравилась. Саркумов сам прокатился на самоделке, одобрил дизайн и разрешил регистрацию, а Саша попросил у него несколько визиток.

После летней сессии друзья решили поехать на этой машине на Кавказ. Был конец 60-х годов, по дорогам Советского Союза бегало всего несколько марок отечественных автомобилей, и Сашину уникальную самоделку принимали за суперсовременную иномарку. За полтора месяца ребята исколесили все пляжи Сочи. Это значительно превышало их финансовые возможности, и когда они попадали в денежный цейтнот, Саша, пользуясь своим поразительным даром ориентации, подрабатывал извозом. Выгоднее всего было об-

служивать северян, которые за удовольствие прокатиться на его экстравагантном авто готовы были платить существенно больше, чем за обычное такси. В зависимости от интеллектуального уровня пассажиров, Саша вешал им на уши лапшу разной длины. Обычно он говорил, что его хозяин – член правительства и находится здесь на отдыхе. Имени его по понятным причинам называть нельзя. Северяне легко проглатывали его враньё и сразу же начинали расспрашивать про то, как живут слуги народа. Саша охотно пересказывал им слухи о членах политбюро. Это неизменно повышало его гонорары. Пока он работал, Володя с Борисом ставили палатку и проводили рекогносцировку. Вернее, рекогносцировку проводил Володя. Он определял девушек, с которыми можно было иметь дело, и начинал знакомство.

В тот раз всё шло по уже опробованному сценарию. Девушки оказались москвичками, учились в педагогическом институте, в Сочи приехали утром и поселились втроём в одной крохотной комнатухе. Когда Саша присоединился к своим друзьям, одна из них сказала, что видела его машину утром на вокзале.

– Да, – подтвердил он, – я там халтурил.

– Вот так так, – удивилась она и посмотрела на Муханова, который всего за полчаса до этого туманными намёками давал понять, что они – дети очень ответственных товарищей, учатся в МИМО и после окончания института уедут работать за границу.

– Конечно, так, – не моргнув глазом, сказал Володя, – Сашок специально прикинулся веником и назвался водителем. Не мог же он признаваться, что он сын члена политбюро и нуждается в деньгах. Если об этом узнает папочка, он может лишиться его машины и поставить двенадцативедёрную клизму.

Девушки, знакомые со столичной жизнью, отнеслись к этому объяснению скептически. Одного только вида уникальной машины для доказательства принадлежности к советской элите им было недостаточно. Для того чтобы рассеять сомнения и ускорить развитие событий, нужно было пригласить их в ресторан, но Володя сказал, что они гораздо лучше проведут время, устроив ужин на свежем воздухе из продуктов, про которые ни в одном местном ресторане повара и не слышали. Девушки согласились, а когда друзья зашли в палатку, Саша спросил, где Муханов собираются эти дефициты достать.

– В центральном гастрономе.

– Интересно, как?

– Сыграю человека из органов, и, если всё получится, то недоверчивые москвички сегодня будут наши.

– А если нет?

– Тогда меня выкинут из кабинета директора как пана Паниковского. Риск невелик. Только мне нужно загримироваться.

Через час Володя медленно подъехал к магазину на Са-

шиной машине и остановил её прямо около окон, так, чтобы хорошо был виден московский номер. Затем, не обращая внимания на очередь, подошёл к прилавку и сказал:

– Я хочу поговорить с директором.

На нём были серый плащ, серая шляпа и солнечные очки. Продавщица посмотрела на него, не зная, что делать. Володиных глаз она видеть не могла, а поведение его производило впечатление человека, привыкшего повелевать. Очередь замерла. Этот покупатель явно пришёл не за дешёвыми консервами, которые красовались на витрине. Володя тоже молчал, и пауза затягивалась. Первой не выдержала продавщица.

– У директора было совещание, – сказала она, – и я не знаю, вернулся он или нет. Подождите, я проверю, – она пошла внутрь, а Володя, не дожидаясь приглашения, последовал за ней. Когда они вошли в кабинет, директор недовольно спросил его:

– В чём дело?

– Мне нужно килограмм копчёной колбасы, три банки красной икры, балык, белая рыба и армянский коньяк, – сказал Муханов.

Директор знал всех ответственных работников города и прекрасно понимал, как себя нужно с ними вести, но этого типа он видел впервые. Ещё из своего кабинета он заметил необычную машину и московские номера. Он пристально смотрел на Муханова, и мозги его лихорадочно работа-

ли, пытаюсь определить соответствие требований Володи с его положением. Поведение молодого человека ясно указывало на его элитный статус, но если он действительно такой козырной, тогда непонятно, что он здесь делает и почему один? А самое главное – нельзя определить, сколько ему лет, ведь тёмные очки закрывают половину лица. Ясно лишь, что ему не больше тридцати. С другой стороны, он мог оказаться чьим-нибудь сыном, избалованным сибаритом, получившим вне очереди чины и звания. Правда, не исключено, что это обычный аферист, ведь районных тузов, как правило, сопровождает местное начальство. Но всё равно, лучше не рисковать. Даже если он блефует, чёрт с ним. В конце концов, заначки в магазине хватит и на него.

– Маша, пройди с товарищем на склад, – сказал, наконец, директор, – покажи ему, что у нас есть.

– А кто же будет у прилавка?

– Никто, тебя подождут.

В подвале у Володи разбежались глаза. Он, правда, видел что-то подобное, когда был на семейном обеде у академика, с дочерью которого некоторое время встречался, но там эти разносолы стояли на столе, и цена Володю не интересовала. Теперь же он боялся выйти из бюджета, поэтому, небрежно указывая пальцем на разные деликатесы, спрашивал, сколько они стоят. Кроме продуктов, он взял три бутылки французского коньяка, а вернувшись к друзьям, принял большую его дозу, для того чтобы снять нервное напряжение. Позже,

когда они встретились с девушками и допили оставшееся, он сразу же заснул, и его партнёрша вынуждена была вернуться домой в пустую комнату.

На обратном пути в Москву в одном из провинциальных городов Боря захотел повторить успех Муханова, но тот лишь посмеивался. Хотя плащ, шляпа и очки были теми же, а сцена исполнена не намного хуже, директор магазина, услышав Борины требования, расплылся в широкой улыбке и сказал:

– Молодой человек, роль Джеймса Бонда не для вас. Выберите себе что-нибудь попроще.

Этот сценический провал расстроил Борю. Он и так знал, что артистические способности у Муханова гораздо лучше, но был уверен, что любой человек может добиться успеха, если приложит достаточно усилий. Он сам только благодаря постоянным тренировкам избил Рощина. К сожалению, у него не было дара импровизации, он не мог мгновенно принимать решения и тут же их осуществлять, как это делали его друзья. Но если всё заранее продумать и тщательно отрепетировать, то можно добиться желаемого.

Чтобы доказать это самому себе, Борис, вернувшись в Москву, решил купить билеты в театр на Таганке. Это был самый популярный театр того времени. Билетов там никогда не было, а около кассы стояло всего несколько человек. Он подошёл к окошку, сказал кассирше, что приехал в командировку, должен скоро возвращаться обратно и хочет при-

общиться к культурной жизни столицы. Он прекрасно знает всех артистов, не пропускает ни одного фильма с их участием и просто умирает от желания увидеть их на сцене, а если повезёт, то даже взять автограф. Особенно ему хочется посмотреть «Собачье сердце», ведь это вещь настолько смелая, что её в любой момент могут запретить. Другого шанса у него, наверное, никогда не будет, потому что он в пятницу должен возвращаться домой. При этих словах он показал железнодорожный билет до Свердловска, который предусмотрительно купил полчаса назад, и продолжил заранее подготовленную историю. Он рядовой инженер, живёт на периферии, не имеет родственников в столице и приехать сюда ему очень сложно. Он согласен на входные билеты и стоячие места, только бы попасть в театр. Он и сам играет на любительской сцене, поэтому спектакль представляет для него ещё и профессиональный интерес. Это гораздо больше, чем обычное хобби, ведь он пытался поступить в театральное училище, но не прошёл по конкурсу. Если ему удастся попасть на представление, он обязательно поделится своими впечатлениями с друзьями, для которых драмкружок является единственной отдушиной в их скучной провинциальной жизни. Настолько скучной, что даже командировку в Москву они разыгрывали по лотерее.

Кассирша, в недавнем прошлом сама выступавшая на сцене, с первого слова заподозрила обман, а когда увидела железнодорожный билет, только утвердилась в своих подозре-

ниях. Тем не менее, разыграв радостный интерес, она сказала:

– Надо же, я ведь сама из Свердловска! А где вы живёте?

– На улице Красных Коммунаров.

– Какой это район?

– Октябрьский.

– Так значит мы с вами соседи! В какой школе вы учились?

– В тринадцатой.

– Не может быть! Это бывшая гимназия, в моё время она была женской школой.

– Вряд ли, – возразил Боря, – тринадцатая школа находится в современном здании. Может быть, после принятия закона о совместном обучении Гороно решило перенумеровать все школы. Когда я вернусь, обязательно это выясню и, если хотите, могу вам написать подробный отчёт.

– Не надо, – сказала кассирша, – вот контрамарка. Все места в зале будут заняты, и вам придётся стоять.

– Постою с удовольствием, большое спасибо.

– Не за что. Только не забудьте сдать железнодорожный билет.

Боря отдал деньги, взял контрамарку и спросил:

– Так значит, вы действительно жили в Свердловске?

– Нет, конечно, но вы взяли билет в общий вагон, а командировочные всегда ездят в купе. В остальном играли неплохо. Заходите, я могу иногда давать вам билеты.

* * *

Осенью Бориса опять послали в колхоз, и он встретился с Леной только когда начались занятия. Они столкнулись в коридоре, и оба почувствовали, что расставание было слишком долгим. После занятий он поехал её провожать. По дороге она сказала, что, пройдя курс лечения, вернулась домой и честно пыталась исполнять супружеские обязанности, но забеременеть не могла, и Эдик опять уехал в Воронеж.

Она снова стала встречаться с Борисом и теперь уже не скрывала этого от мужа. Однажды перед её приездом к Коганам родители Бори пошли на какой-то двухсерийный фильм, но в кинотеатре через несколько минут после начала сеанса пропал свет, и зрители должны были уйти не солоно хлебавши. Софья Борисовна позвонила нескольким знакомым, но одних не оказалось дома, другие были заняты, а поскольку шёл дождь, она с мужем вынуждена была спрятаться в собственном подъезде. На их беду Боря в тот вечер чувствовал необычный подъём, и его родителям пришлось ждать гораздо дольше обычного. В то время в их городке участились кражи. По слухам, грабители прятались в подъездах, а когда жильцы заходили в дом, оглушали их чем-нибудь тяжёлым и снимали с жертв всё мало-мальски ценное.

Толком никто ничего не знал, поэтому на всякий случай боялись всех, и родители Бори опасались, что в тёмном подъезде соседи их не узнают и вызовут милицию.

Первым обнаружил их сосед с четвёртого этажа. Он, как

обычно, был пьян и прошёл мимо слегка покачиваясь, а потом, как будто вспомнив что-то, вернулся и, икнув, спросил, не собираются ли они кого-нибудь ограбить.

– Нет, – ответил Яков Семёнович.

– А что же вы здесь делаете?

– Да, понимаешь, – сказал Яков Семёнович, – мы потеряли ключ и ждём, пока сын вернётся из института.

– Пойдём ко мне, а то если вас здесь увидят, милицию вызовут. Сами знаете, что в городе творится.

Коганы с благодарностью согласились.

На следующий день Борис повёл Лену в кафе и в лицах рассказал ей вчерашнее происшествие, добавив, что теперь он должен будет заплатить соседу сорокаградусной валютой.

Выслушав его, она сказала:

– Это не может продолжаться до бесконечности. Я не хочу ставить твоих родителей в такое глупое положение.

– Они мне на своё положение не жаловались.

– Они и не будут жаловаться, ты их сын.

– И твой будущий муж!

– Боренька, у нас слишком велика разница в возрасте. Недавно я посмотрела наши колхозные фотографии и ещё раз почувствовала это, – она протянула ему снимки. На них он увидел розовощёкого, хорошо упитанного юношу и обаятельную молодую женщину, которая, по его мнению, в жизни была гораздо красивее.

– Надо же, как я изменился, – сказал он, – если так и даль-

ше пойдёт, то скоро я буду выглядеть старше тебя.

– Не притворяйся, Боря, посмотри, что со мной стало. Я не хочу ждать, пока ты меня бросишь, давай расстанемся сейчас, когда нам есть что вспомнить.

– Пока нам нечего вспоминать. Вернёмся к этому разговору лет через сорок, может, тогда воспоминаний прибавится.

– Эдик снова хочет восстановить семью. Он переезжает в Воронеж и уговаривает меня поехать с ним.

– Я тебя никуда не пушу.

– Милый ты мой мальчик, – сказала она, ласково целуя его в щёку, – сейчас ты ещё не можешь понять, что хочешь невозможного, но скоро это пройдёт.

– Я не хочу, чтобы это проходило.

* * *

Лена поехала с мужем в Воронеж. Как и раньше, они не ругались и не ссорились. Отношения их были ровными, но никакого влечения друг к другу они не испытывали. Недели через три они пошли в театр, и в антракте Лена почувствовала, что Эдуард нервничает.

– Она здесь? – спросила Лена.

– Да, – ответил он.

– Познакомь нас.

– Ты с ума сошла!

В этот момент к ним подошла элегантно одетая женщина и, поздоровавшись, сказала:

– Эдик, познакомь меня со своей женой.

– Знакомьтесь, – пробормотал он.

На следующий день Лена встретила с любовницей мужа тет-а-тет и, проговорив с ней несколько часов, вернулась в Москву.

Вскоре она подала на развод, но когда Боря захотел переехать к ней, отрицательно покачала головой и сказала:

– Нам надо расстаться.

– Почему?

– Потому что я старше тебя, потому что у меня не будет детей...

– Будут, Леночка, – перебил он, – обязательно будут. Ты не могла родить, потому что не любила Эдика, а от меня ты родишь. Мне вчера приснился сон, что мы женились и у нас родились близнецы. Они совершенно не похожи друг на друга, но зато один – вылитый я, а другой – вылитая ты. Мы назвали их Яша и Дима. И всё было бы ничего, но ты так донимала меня своими разговорами о возрасте, что мы, в конце концов, развелись, а детей поделили. Фамилии у них тоже стали разные: у Яши – Коган, у Димы – Волконский. Мой сын, как истинный еврей, чувствовал, что ему не хватает матери, и в том, что мы развелись, обвинял меня, а потом в один прекрасный день назвал мне крестился, поступил в духовную семинарию и стал попом, а твой, как настоящий русский, хотел общаться с отцом и чувствовать мужика в доме. Он считал, что во всём виновата ты, в пику тебе сделал обрезание, принял иудаизм и поступил в ешиву. Так в одном

и том же городе два родных брата служили двум разным богам. Яков Коган служил Христу, а Дмитрий Волконский – Ягве. Своей беспорочной службой они искупили наши грехи, и мы с тобой сошлись опять. Правда, мы потеряли самые лучшие годы, исковеркали жизни детей, стали посмешищем для знакомых, но, в конце концов, приняли правильное решение. Я предлагаю тебе принять это решение сразу. А если уж у нас не будет детей, я усыновлю твоего четвероногого, лохматого и хвостатого сыночка. Ведь он более правочерный еврей, чем я, потому что ему сделали обрезание на полную катушку.

– Ты так много говоришь, что не даёшь мне слова вставить.

– Ну, извини, вставляй.

– Я выхожу замуж и уезжаю в Ленинград.

– Да... – Боря почувствовал странную слабость. Он не знал, правда это или она только что выдумала замужество и переезд, он чувствовал лишь, что она твёрдо решила расстаться. Он хотел сказать ей что-нибудь хорошее на прощанье, но боялся расплакаться. Он привык к Лене, общение с ней расширило его кругозор, заставило по-другому взглянуть на мир, сделало мужчиной. Благодаря ей он стал более спокойным, а при подготовке к экзаменам, в отличие от своих неженатых товарищей, не засматривался на каждую проходящую девушку и легко мог сосредоточиться на учёбе. Лена поощряла его старание, и во многом благодаря ей он

несколько раз получал повышенную стипендию. Он бы с радостью женился на ней, но она зациклилась на том, что старше его, а ведь известны счастливые браки людей с гораздо большей разницей в возрасте.

* * *

Студенты, как обычно, собрались у Жени Гончарова. Он жил один в огромной четырёхкомнатной квартире в центре Москвы. Родители его большую часть времени проводили за границей. Они были советниками посольства по науке, а точнее, как по секрету сообщил Женя, занимались промышленным шпионажем. Их работа очень хорошо оплачивалась и была практически безопасной. Только однажды супругов Гончаровых выслали из Англии. Это было сделано в качестве ответного шага на действия советского правительства, объявившего нескольких английских подданных персонами *non grata*. Правда, и изгнание с Альбиона пошло Гончаровым на пользу: им повысили зарплату и отправили в США, а Женя вместо посылок из Европы стал получать посылки из Америки. Это почти всегда гарантировало ему успех у девушек.

В тот день Володя Муханов на вечеринку опоздал. Он приехал прямо с репетиции с двумя подружками – коллегами по театру. Когда они вошли, веселье было в полном разгаре. Увидев их, Женя закричал:

– А вот и артисты подгрести, они сейчас нам что-нибудь изобразят.

– Сейчас мы можем изобразить только голодных хищников, – сказал Володя, – так что для начала нас надо накормить.

– Зачем же ты женился, если тебе дома даже поесть не дают? – спросил Женя.

Володя недовольно посмотрел на однокурсника. Он не любил говорить о своей женитьбе и ничего не ответил. После полутора лет жизни в общежитии он переехал на частную квартиру, а ещё через полгода заключил фиктивный брак с её хозяйкой. Это было чисто деловое соглашение, за которое он должен был заплатить большую сумму. Он не хотел показывать своей жене, что у него есть такие деньги, и договорился отдавать долг постепенно. Таким образом, он надеялся защитить себя, на случай если хозяйка квартиры захочет развестись раньше, чем он получит московскую прописку.

Девушки, которые с ним пришли, знали об этом и, не обращая внимания на Женин вопрос, направились к столу. Подкрепившись, вновь прибывшие стали показывать сценки из жизни на центральном рынке, в которых внимание продавца – южного человека в огромной кепке-аэродром – отвлекала симпатичная покупательница, а её приятели очень ловко пользовались этим.

Зрители бурно выражали свой восторг и громко аплодировали. Один из них, маленький худенький Витя Ерёмин, устроился рядом с самой крупной девушкой – Наташей Каравановой. Видно было, что ему лучше принять горизонталь-

ное положение, но места для этого на диване не было, и он сидел плотно сжатый Наташей с одной стороны и Мишей Ларионовым с другой. Он то и дело закрывал глаза, и голова его падала на плечо Наташи, а Наташа тут же её отталкивала. Голова Вити на секунду принимала вертикальное положение, он просыпался, открывал глаза, смотрел на актёров, следуя общему настроению, громко смеялся и вновь засыпал, роняя голову на Наташино плечо. После этого всё повторялось снова. Его сосед справа – Миша Ларионов – хоть и аплодировал вместе со всеми, сидел задумавшись.

Миша поступил в институт после армии и был на несколько лет старше своих однокурсников. В Москве у него не было ни родственников, ни знакомых, и, чтобы свести концы с концами, он устроился ночным сторожем. Времени на учёбу у него не оставалось, и он часто обращался к своим товарищам за помощью. Как-то раз, готовясь с ним к очередному семинару по математике, Борис увидел задачи, которые ему дали на приёмных экзаменах в университет, и выругался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.